

DANA SKOLL

Syberia

B.H. SOKAL

Michel
LAFON

Дана Сколл
Сибирия
На основе оригинальной истории Бенуа Сокаля
дополненный перевод Андрея Игнашева

Пролог

Кейт Уокер
Манхэттен, 52-я улица, Марсон и Лормонт

Суматошный день. Последний перед путешествием, что приведет Кейт Уокер в Старый Свет. Мифические города: Париж, Рим, Вена, Берлин, Будапешт... Париж ей нравится - Елисейские поля, романтический Монмартр, Пигаль и Вандомская площадь; спасибо университету, где совершенствовался ее французский. Она преуспевала и в итальянском, немецком, даже русском, не говоря уже о японском или, если хотите, путунхуа, но отправляют ее в этот раз в какое-то захолустье, пусть даже и в Альпы, но уж никак не к одной из парижских королевских площадей, посмотреть на красные фонари или еще какую достопримечательность. Серьезный бизнес в маленькой деревеньке, славной лишь фабрикой по производству игрушек. Альпы... Что интересного? Для лыж не сезон, да и в общем свободного времени не предвидится - оформить бумаги и назад. Стоит высококвалифицированного сотрудника престижной юридической фирмы, одной из лучших в Нью-Йорке.

Но в целом... командировка в Европу не самое худшее времяпровождение. Это будет как глоток свежего воздуха, с чем в Нью-Йорке не все ладно. И дело вовсе не в загрязненности окружающей среды. Скорее, в душевной экологии. Жаль, что Дэн не разделяет ее энтузиазм. Проветриться не мешало бы им обоим.

- Вас эксплуатируют, а вы и не знаете об этом, - вновь и вновь заявляет он.

Дэн недоволен. Конформистски настроенный, он прячется за традиционные идеи о союзе мужчины и женщины, о браке, значительно говорит он, что должен быть выше всего остального, особенно бездушного желания устроиться в достатке карьеры - иными словами, хочет привязать Кейт к себе, при том, что она и должна обеспечивать им безбедную жизнь. Их отношения сложились не так давно, но Кейт уже видела себя женой и мамой в одном лице, не говоря еще о детях (она об этом подумает, когда-нибудь). Зачем ей это нужно, она не знала, и была не против видаться с Дэном один-два раза в неделю, но "отношения" не прекращались, быть может из-за необходимости Кейт хоть в каких-то отношениях в свои двадцать восемь лет.

Поэтому, Европа. Транснациональный гигант Universal Toys Company желает приобрести фабрику механических игрушек в Валадилене. Старинное семейное производство среди альпийских лугов, владелица которого - последняя из рода.

Огромная метаморфоза за тонким росчерком подписи, и вот уже Валадилена оставляет позади себя вчерашнюю, затухающую, задыхающуюся непосильным долгом, устремляясь к прогрессу новой производственной линией, рабочими местами. Долгое время владелица фабрики игнорировала выгодное предложение, не желая вмешательства в семейные устои, но в конце-концов сдалась. Для юриста величины Кейт Уокер миссия по подписанию документов выглядит даже смешной. Неужели у Марсона не нашлось сошки поменьше?..

Марсон в своем кабинете, на столе папка по Universal Toys Company, в ней будущее Валадилены. Точнее, настоящее, которое я принесу туда, думает Кейт. Валадилена не догадывается, что за последние сто лет мир перестал выглядеть пожелтевшей фотографией; в нем оттенки, разной степени насыщенности. Здесь, в кабинете, пятидесятые, доставшиеся Марсону в наследство от отца, большого поклонника джаза. Потому, вероятно, фирма и была основана на пятьдесят второй, где блистали Билли Холидей, Диззи Гилеспи, Чарли Паркер, Майлз Дэвис. До серебристости седые волосы, голубые, почти кобальтовые глаза, организация в каждой детали - мистер Марсон имел естественную харизму и авторитет, являлся одним целым со своим тридцать шестым этажом на Манхэттене, и Кейт в который раз чувствует себя бабочкой, пойманной в сеть. На пути к кабинету были Дэйв и Синтия, трудолюбивая молодая кровь Марсона; Оливия, Линн и Джосс - умудренные профессионалы.

- Кейт Уокер! Возвращайся к нам! Ты уже в Валадилене?

Это Дэйв. Всю неделю подтрунивает над ней, будто в своем кабинете с панорамными окнами, за которыми чернеет фасеточная россыпь Сигрем-билдинг, Кейт вместо работы гуляет в мыслях по брусчатке альпийской деревушки, потому как сам он недавно вернулся из Варшавы, а до того был в Венеции, и не представляет, как можно быть равнодушной к командировке, уверяя, что она придет в восторг от Европы, даже если это и Валадилена, а не популярный исторический центр. Как будто она не знает.

- Никогда не была в Альпах, - смотрит на Кейт Синтия, деланно-грустно покусывая дужку очков, зная, что Дэйву это нравится. Она вела скучное дело о разводе знаменитостей и не прочь была бы слетать в Валадилену вместо Кейт, но Кейт с радостью поддевает ее за живое, потому как Синтию ей приятно уколоть всегда - женское, ничего не поделаешь:

- Будет экзотично, - скалит она улыбку.

Из другого конца офиса Оливия закатывает к потолку глаза.

- Ненавидишь ее, - цедит, когда Кейт оказывается рядом. - Уже завтра?

- Девять часов. Потом до места. Бумаги. На прогулку останется не так уж и много.

- Все равно я жду сувенир, - говорит Оливия. - Для пополнения моей коллекции.

Она заядлая путешественница, отовсюду тащит безделушки на память. Оливия в восторге от поездки Кейт.

- Дэнну пойдет на пользу, - замечает она. - Научится любить в разлуке.

- Вот это и главное, - отвечает Кейт.

Они с Оливией лучшие подруги, постоянно вместе: шопинг, кино, театр, концерты. Дэнну не нравится ничего из этого.

Но Оливия и Дэн единственные, с кем постоянно общается Кейт.

Да, еще есть мать. Чаще они связываются по телефону. Долго разговаривают. Кейт слушает, говорит мать. Кого она видела, как ее последний чай с Юнетель, сеанс йоги с новым учителем, похожим на Клуни.

- Настоящая еврейская мать! - говорит про нее Оливия.

Отец Кейт Аби (Авраам) не вынес жены и в свои шестьдесят развелся, укатив с девушкой, на двадцать лет моложе его, во Флориду.

..."Понравится Валадилене принесенная мною жизнь?" - думает Кейт, глядя, как Марсон раскрывает папку Universal Toys Company. "А какая жизнь там?.."

У себя в кабинете Кейт смотрит, как по сверкающим глазам триплекса Сигрем-билдинг скользят альпинисты. Пауки, висающие на своих нитях. Ритмические движения делают их похожими на автоматы. Дэйв не знает, но вот, за чем Кейт может наблюдать часами. Она думает, что никогда не познает такого чувства свободы, какое испытывают те пауки.

Часть первая Валадилена

Глава первая

17 сентября 2002 года, Валадилена, Французские Альпы

Девять часов полета, турбулентность при посадке. Дождь. Кейт не испытывает усталости - удивительно. Двухчасовая дорога на поезде по бескрайним, растворяющимся в серой пелене пастбищам, очерченным горами. Красиво. Но Валадилену она представляла не так. Пустынные улицы, и виной тому как будто не дождь. Если бы не надписи на французском, она подумала бы, что находится в деревне где-нибудь в Висконсине. Над высокими кирпичными темно-песочными домами, богатыми, негостеприимными, высятся горы, темнеющие хвоей и курящиеся серой дымкой. Зловещий город-призрак - такой оказалась Валадилена. Хватит, чтобы захотеть убраться отсюда как можно скорее.

- Оливия не вынесла бы и пяти минут, - говорит Кейт запотевшему окну такси. Она чувствует себя потерянной среди камня гор и домов. Не знающая другой жизни, кроме той, где много людей, магазинов, *цивилизации*, от замершей деревни ей передается тревога.

Тянется длинная узкая улица. Брусчатка блестит от воды. Кейт обреченно смотрит на белое пальто, уже мазнутое тут и там грязью. Такси останавливается перед отелем, и водитель предлагает ей зонт.

- Спасибо, - говорит она по-французски, но от сырости сводит скулы, и акцент съедает правильность. - Это... хороший отель?

- Единственный, мадемуазель, - отвечает водитель. - Скажите, что вы забыли здесь, в этой дыре?

- Я пишу книгу и нуждаюсь в уединении. - Пытается спрятать под зонтом чемодан.

- Ужасы? - фыркает в усы довольной улыбкой водитель. - И зовут вас Говард Филлипс.

- Скорее, Эдгар Аллан, - поддерживает Кейт. - Спасибо.

Шорох колес, Кейт остается одна. Колкий дроботок по козырьку, гуляющий ветер. Неожиданно появляется новый звук: сухие толчки барабана, металлические клики о камень и... марш? Кейт не верит глазам - по улице движется процессия. Черная лошадь тянет повозку, драпированную черной, в бусинах капель, тканью. Кучер скорбен, его одежды похожи на тучу, высокий цилиндр покачивается барабану в такт. Барабан перед повозкой, бьющего почти не видно - Кейт кажется, что это ребенок. Позади повозки силуэты в пелене дождя, торжественные, одинаковые. Плывут тенды зонтов. "Чи-то похороны?" - думает Кейт. В следующий миг пробирает озноб - она видит детали. Не люди идут по улице - механические игрушки. Человечек бьет в барабан, в спине у него заводной ключ. Идущие за повозкой - пародия. Не обращают на нее внимания. Двигутся к

воротам на холме, за которыми возвышается башня церкви. Кейт ощущает окружающий мир каждой клеточкой, потому уверена, что не спит в мягком кресле самолета.

Механические игрушки?!..

Они повсюду. Над входной дверью человечек кланяется и снимает шляпу. На администраторской стойке человечек в цилиндре с молоточком в руке завис над звонком. Хозяин отеля, для разнообразия, настоящий человек, с пышными усами, всполошенный, будто появился в гостинице за минуту до Кейт, предлагает устроить экскурсию, но позже, а пока ведет ее в номер шестой на втором этаже. По пути она цепляет со стойки рекламный проспект. Столица мира, ухмыляясь, читает на обложке. Поднимаются вощенной лестницей, в полумраке коридора подходят к номеру.

- Люкс, специально для вас, - улыбается хозяин, переводя дух.

Типичный шале, на современный лад, неплохо было бы остановиться тут с Дэном, думает Кейт. Дэйв прав: Европа - отличное место.

- Если вам что-то понадобится, ищите меня внизу, - говорит хозяин и уходит.

Кейт осматривается, пробует огромную, застеленную клетчатым пледом кровать, заглядывает в ванную и крутит темные, словно окисленные, вентили крана. Вода льется с гудом, теплеет, становясь кипятком. В комнате на фризových стенах старые фотографии - черно-белые, захватывающие дух пейзажи. Альпинисты на горных вершинах сияющими улыбками сливаются со снегами. Кейт вспоминает людей-пауков на нью-йоркских башнях. Они улыбаются так же.

Из чемодана достает вещи: белье, коричнево-персикового цвета брюки, кашемировый свитер и куртку. Раскладывает по кровати и отправляется в душ. Через двадцать минут она готова противостоять холодному городу, приступить к своему заданию. Первое, о чем она хочет спросить, - встретившая ее процессия. Неприятное чувство о взаимосвязанности происходящего покалывает в грудной клетке.

Листает брошюру. Производство Воралбергов не имеет аналогов, "непревзойденное мастерство, передающееся из поколения в поколение вот уже восемьсот лет". Начавшись с изготовления простейших марионеток, их творения стали столь реалистичны, что, казалось, могли самостоятельно мыслить. Разработка и сборка каждой модели - очень тонкий процесс. Игрушки попроще изготавливаются из местной древесины, в то время как замысловатые, утонченные, создаются из дорогостоящих материалов, например, эбенового дерева с Мадагаскара. Невзирая на влияние конкурентов, фабрика Воралбергов не поддавалась искушению изменить традициям, продолжая творить "волшебство вечного механического движения".

Анна Воралберг ведет дела с конца Второй Мировой, после смерти отца став последней представительницей династии. Ее подпись должна стоять на документах, и за этим Кейт здесь. Анна Воралберг кажется ей древней реликвией.

Спускается на первый этаж в гостиную. Дождь уже не стучит в окна, тишину можно пробовать на вкус. Бездействующий камин, занимающий дальнюю стену, навеивает тоску; в высоких, похожих на гроб, часах глухо качается маятник. Под потолком огромная люстра; столики в ряд блестят лаком в тюльпанах светильников. За одним, в углу у камина, сидит мальчик. Рисует, резкие дерганые движения. Двенадцать или тринадцать лет. Кейт не видела его, когда заходила в отель.

За стойкой регистрации никого. Мальчик никак не реагирует.

- Привет, - говорит Кейт, улыбаясь.

Короткий взгляд из-под козырька фетровой кепки. Кофейного цвета одежда сливается с обстановкой. Парижанин сороковых годов.

Молчание затягивается.

- Рисуешь?

Едва заметный кивок. Кейт кажется, что дело не только в отсутствии воспитания.

- Момо рисует.

Далекий голос, как из того времени, что и все вокруг; цвета старинного фотоснимка.

- Дашь посмотреть?

Закрывает рукой лист, хмурится:

- Нет! Не готово! Не нужно мешать Момо!..

Кейт понимает, что не так с этим мальчиком. Тем временем хозяин отеля появляется из комнатки за стойкой.

- Мисс Уокер, - улыбается он. - Все в порядке?

- Да, спасибо.

Она смотрит на мальчика, и тот заметно нервничает.

- Момо, я здесь, - говорит хозяин. - Все хорошо.

Момо не слышит, только сильнее вжимается в стул, словно боясь удара.

- Момо, отзовись!

Хозяин говорит строго, но мягко. Мальчик моргает, и лицо его становится живее. Он улыбается.

- Момо - ваш сын? - участливо смотрит на хозяина Кейт.

- Нет, что вы, - усмешка в усы. - Мы просто хорошие друзья. Все здесь любят Момо, правда, мальчик?

- Момо любит всех, - глядя мимо них отвечает Момо.

Кейт вздыхает.

- Вы разочарованы Валадиленой, - говорит грустно хозяин. - Этот дождь... Будто и небеса скорбят о мадам Воралберг.

Кейт чувствует, как холодеет спина.

- Скорбят?..

Взаимосвязанное соединилось.

- Анна Воралберг... умерла?!

- А разве вы не знаете об этом?

Растерянность хозяина ничего не значит рядом с раздражительностью Кейт. Анна Воралберг - единственный человек, уполномоченный подписать продажу фабрики. Марсон как-то шутил по этому поводу.

- Какой ужас..., - шепчет хозяин. - Мисс Уокер... и что же вы будете делать?

- Заниматься своей работой. - Кейт прогоняет ненужную оторопь. Нотариус все объяснит. - Как раз хотела спросить, где живет мсье Альфортер.

- Его дом легко узнать, - услужливо частит хозяин. - Идите прямо по улице, у входа в парк увидите большое двухэтажное здание. Как же вышло, что мэтр Альфортер ничего не сообщил?..

- Я спрошу у него.

- Надеюсь вы все сделаете правильно. - Кейт видит в его взгляде мольбу. - Без мадам Воралберг фабрика немыслима, но ведь нужно жить дальше! Наша судьба в ваших руках, мисс Уокер...

- Не фабрика...

Из угла раздается голос. Кейт успела забыть о странном ребенке. Он поднял голову от рисунка и настороженно смотрит.

- Дом Анны, - говорит Момо, и Кейт хочется отвернуться от этих глаз, словно обвиняющих ее лично. - Дом Ганса.

- Ганса?

- Момо, перестань.

- У мадам Воралберг нет наследников, - утверждает Кейт, смотря на хозяина.

- Мисс Анна... последняя из Воралбергов, - кивает хозяин.

- Ганс живой. - Снова Момо. - Анна так говорит. Анна любит Момо.

- Момо, прошу тебя! - Голос угрожающе-просителен. - Прекрати надоедать мадемуазель.

Момо опускает голову. Взглядом хозяин просит у Кейт прощения за все, переживаемое здесь.

- Вы хорошо знали мадам Воралберг? - спрашивает Кейт, чтобы ему стало легче.

- Все в нашем городе любили ее, - грустно отвечает хозяин. - Да будет спокоен ее сон.

- Ганс вернется!

Кейт вздрагивает. Момо не просто сказал - крикнул, с горечью утраты.

- МОМО, ВЫЙДИ ВОН! - Хозяин громогласен, но с любовью, подобно Богу-Отцу. На месте мальчика Кейт не задумывалась бы ни секунды. - Сейчас же!

Ударяется о стену отодвинутый стул; прижимая к груди лист бумаги и карандаш, Момо бросается к дверям на улицу.

- Хорошо, что кончился дождь, - устало вздыхает хозяин. - Пожалуйста, мисс Уокер, простите нас.

- Перестаньте. - Никогда еще перед ней не извинялись с таким постоянством. - Бедный мальчик.

- Момо у нас вроде местного деревенского дурачка. Мисс Анна взяла его под крыло, когда не стало его родителей. Их машина сорвалась на горном перевале. Должно быть, он напоминал ей брата. Ганс - родной брат мадам Воралберг. Он погиб много лет назад.

- Момо так не считает.

- На то он и Момо.

Хозяин печально усмехается.

В этом деле слишком много личного, думает Кейт. Она чувствует себя вторгнувшейся в этот мир. "Такая здесь жизнь", - в мыслях отвечает она на вопрос, заданный себе в кабинете Марсона. "Стоим ли мы перемен?"

Чтобы отвлечься, она склоняется над человечком-звонарем:

- Мне нравятся эти маленькие роботы. А о кортеже мне никто не поверит.

- Пожалуйста, выражайтесь аккуратнее, мисс Уокер, - мягко говорит хозяин. - Автоматы Воралбергов вовсе не роботы. Если вы хотите, чтобы к вам здесь хорошо относились, не называйте их так.

Кейт чувствует, как возвращается ее прежняя холодность.

- И чем отличается автомат от робота?

Хозяин пожимает плечами, как человек, знающий о чем-то, что большинство не может понять.

- У автоматов есть душа.

- Понятно, - кивает Кейт.

Смотрит на окно.

- Дождь действительно закончился. Приступлю к работе.

- Да-да, мисс Уокер. Искренне желаю вам успеха.

Кейт открывает тяжелую дверь.

Глава вторая

Плохие новости

Воздух напоен осенью. В куртке, пожалуй, жарко. Удивительное превращение угрюмой старухи в прекрасную леди - безоблачное небо в лужах, переливы птиц вместо ужасного барабана. К такой Валадилене Кейт и стремилась. Солнце растопило печаль, горная свежесть пробудила к жизни. Великолепием заиграли дома, преувеличенно-огромные, нелепые слиянием машинерии и ретролооска. Далекие, и такие близкие, альпийские ледники поглощают и отдают свет, как гигантские фотоэлектрические модули. Каплющая, щебечущая, шелестящая тишина. В большей

мере сонная, чем умиротворенная. По улице идет пожилая пара - лишь подозрительный взгляд. Здесь все знают друг друга как одна семья.

Кейт звонит Марсону. Мгновение от разницы двух миров непривычно тяжелеет в груди, но проходит, стоит заговорить о деле.

- Держи меня в курсе, Кейт.

Марсон ошеломлен, но действия одобряет; в ходе переговоров обсуждалось многое, есть соответствующие документы - правда, в них не учитывалась смерть мадам Воралберг, но нотариус все разъяснит. Марсону некогда, у него совещание, "ну и катись", - говорит Кейт. Не в трубку.

Неплохо бы перекусить. Улица плавно изгибается. По правую руку дома, по левую - стена фабрики. Район раскинулся на холме, в долине внизу аккуратные домики рябят черепицей. Стелется печной дымок. Кейт вспоминает, видела ли когда подобное живьем, или всегда только на экранах и картинках - нет, приходит к выводу, не видела. Становится грустно от таких мыслей. Совсем скоро она будет среди родного нью-йоркского стекла и бетона.

Пекарня или магазинчик. Пока ничего похожего. Но улица тянется, удивительно не кончаясь, и наконец, что-то стоящее - стоит на крыльце, курит; человек, слава Богу, не робот... Не автомат...

- Здравствуйте!

Кейт улыбается искренне - на человеке фартук присыпан мукой, а за стеклом позади предвкушение золотистых багетов, круассанов; меренги, птифуры, профитролы, бенье... О чем еще рассказывал Дэйв?

- Здравствуйте, здравствуйте, милая барышня, к сожалению мы закрыты. Траур, из-за кончины мадам Воралберг. Все магазины закрыты - указ мэра, знаете ли.

Немыслимое разочарование. Кейт быстро справляется.

- Я понимаю. Быть может позже?

- Завтра, мадемуазель. - Он косится на тлеющую сигарету, пропадающую из деликатности. - Приходите завтра.

- Завтра меня здесь уже не будет. - Кейт разворачивается. - Доброе утро.

- Что привело вас к нам? - Интонация дружелюбно заканчиваемой встречи. - Вы похожи на городскую мышь, нежели на полевую крысу. И акцент - вы из Англии?

- Я городская мышь из Америки, - почти улыбается Кейт. - Из Нью-Йорка.

- Ну конечно! - Он успел затануться, но тут же выдохнул от радости узнавания, оказавшись в дымном облаке. - Приехали, чтобы купить фабрику!

Кейт кивает.

- Оживление пойдет нам на пользу. - Похоже, у него веселый нрав. - Пока мы не исчезли среди камней.

- Чудесное место, - говорит искренне Кейт.

- Скажите это нашей молодежи. - Он давит сигарету в жестянке, служащей пепельницей. - Если, конечно, найдете кого.

Большое двухэтажное здание у входа в парк. Оставленная на скамье газета. *Валадилена скорбит о потере* - и расплывшийся черно-белый портрет Анны Воралберг. Высохшая маленькая женщина, от которой так и веет одиночеством. Анне Воралберг было восемьдесят шесть лет, и с ее смертью в Валадилене закончилась эпоха. Технология производства автоматов не сможет выжить в условиях современной экономики. Без великого вдохновителя будущее Валадилены выглядит мрачным.

Кейт раздраженно кидает газету на скамью.

Дверь не заперта. Приемная или секретариат, никого нет. Как и в отеле, преобладает дерево; отражается в полированном полу. Время будто остановилось. В дальней стене еще две остекленные половинки.

- Прошу! - раздается в ответ на стук голос из кабинета. Мэтр Альфортер сидит за столом, грузно обмякнув в кожаном кресле со стертыми подлокотниками.

- Доброе утро.

- Мисс Уокер. - Хрипло, болезненно. - Как добрались?

- Спасибо, неплохо.

- Садитесь, пожалуйста, - указывает нотариус на кресло перед столом. - Я ждал вас.

- Разумеется. - Кейт смотрит строго. - Вероятно, вы хотите рассказать, почему не известили нас о случившемся.

Альфортер тяжело кивает.

- Вы уже знаете... Мисс Уокер, боюсь дело о продаже фабрики гораздо сложнее... чем могло бы казаться.

- Еще сложнее? Анна Воралберг дала согласие, ее смерть ничего не меняет.

- Действительно, так. - Кейт чувствует, что нотариус заставил ее замолчать. - Но дело в другом. Мисс Уокер, все очень сложно и просто одновременно. У мадам Воралберг есть наследник.

Кейт не произносит ни слова, позволяя ему говорить.

- Я понимаю - эта новость для вас как удар током...

- А для вас?

Не выдерживает.

- И для меня, - спокойно кивает нотариус. - Я узнал о смерти мадам Воралберг сегодня утром.

Несколько секунд Кейт молчит.

- Но Анна Воралберг не была замужем и не упоминала о наследнике, - говорит потом.

Из ящика стола Альфортер достает конверт.

- Это письмо. Мадам Воралберг прислала мне его за два дня до смерти. Но я был вынужден покинуть Валадилену, по состоянию здоровья, и приехал только сегодня, специально для заключения сделки. А оказался на отпевании... Я прошу вас прочитать письмо вслух - боюсь, я слишком для этого слаб.

В конверте тонкий листок, стойкий дух парфюмерии и старости. Кейт медленно скользит по нетвердой вязи букв:

"Дорогой Рувус.

Мое самочувствие ухудшается день ото дня, и я не могу не смотреть в лицо правде - боюсь, мне не дожидаться завершения дела о продаже моей драгоценной фабрики. Я мучительно размышляла над тем, что хочу вам поведать, но я не могу поступить иначе. Я должна сделать признание. Мой брат Ганс жив. Я понимаю, что вам трудно в это поверить, но это правда. Его трагическая смерть и похороны, которые вы должны помнить из молодости, были страшной выдумкой нашего отца. То, что Ганс желает покинуть фабрику и оставить семейное дело, повергало его в ужас. Когда Ганс исчез, отец пришел в такую ярость, что предпочел считать своего сына мертвым, и заставил Валадилену поверить в это. Всю жизнь я хранила этот секрет, но сейчас, чувствуя, что мне осталось недолго, молчать не могу. Ганс жив, и после моей смерти он станет единственным и законным наследником фабрики.

Я очень устала. Простите меня.

В моем кабинете на столе шкатулка. Письма. И дневник. Несколько дней назад я нашла его на чердаке.

Искренне ваша, Анна Воралберг".

Некоторое время Кейт анализирует ситуацию, не отрываясь от письма. Нереальное сочетание случайностей.

- Я не знаю, что сказать, мисс Уокер, - нарушает тишину нотариус. - Я искренне сожалею, что случилось так. Юридически ситуация ясна: чтобы довести дело до конца, нужно согласие Ганса Воралберга.

Простая миссия по подписанию документов...

- Это может быть всего лишь желание старой женщины, - медленно говорит Кейт.

- Законное распоряжение наследством, - продолжает Альфортер мрачно. - Я буду ходатайствовать за это письмо.

- Наплевав на будущее Валадилены?

Грань обыденности уже разорвана, и Кейт не беспокоится о вежливости.

- Кто этот Ганс Воралберг? Оживший призрак. Где он сейчас?

- Об этом я знаю не больше вашего. Он погиб в восемнадцать лет, это наша история. Но в этом письме - последняя просьба мадам Воралберг. Какой бы неправдоподобной она не казалась, в сущности, в этой правде нет невозможного. Драма одной семьи.

- Завтра мне нужно быть в Нью-Йорке с подписанными документами. Подробности обсуждались не раз. Ганса Воралберга официально не существует.

- И, тем не менее, он жив. - Мэтр Альфортер отирает платком лоб. - Мисс Уокер, боюсь, на данный момент моя роль ограничивается чтением этого письма. Мое самочувствие не позволяет предпринять изыскания, мне необходим отдых. Я прошу вас сходить на фабрику и изучить оставленные мадам Воралберг вещи. Надеюсь, это даст нам ответы. Ганс Воралберг должен узнать о смерти сестры и наследстве. После этого судьба фабрики разрешится. В конце-концов, должен пройти установленный для поиска наследника срок.

Кейт, скривившись, кивает - правила ей известны. Знает она и другое - для нее все только начинается. Быть может, Марсон предчувствовал таящийся подвох, и отправил в Валадилену именно ее. Для Universal Toys Company фабрика - главный проект на будущий год, такой клиент не привык ждать. Бессмысленно звонить Марсону без какой-либо основы для решения проблемы.

- Хорошо, - соглашается она. - Задокументируйте ситуацию. А я осмотрюсь.

- Ключ от ворот в приемной. Благодарю вас, мисс Уокер. - На лице Альфортера тень улыбки. - Мы с вами в одной лодке. Я жду вас в два часа на обед. Надеюсь, мне станет лучше, и мы обсудим, что делать дальше.

"Я тоже на это надеюсь", - думает Кейт, поднимаясь. - "Еще одной потери я не переживу".

- Отдыхайте, мсье Альфортер.

На улице альпийский воздух неожиданно подстегивает, подчеркивает настроение - Кейт заинтересована происходящим. Оно так не похоже на привычную жизнь, что сводит низ живота, как в детстве, когда ожидаешь чего-то грандиозного. Кейт уверенно идет к большим черным воротам, которые видела по пути к нотариусу. Неожиданно звонит телефон, и Кейт вздрагивает, словно Нью-Йорк дернул ее за руку, заставив опомниться.

- Дэн! Хорошо, что ты позвонил. - Никогда еще эта фраза, всегда неискренняя, не была такой пресной.

На другом конце линии, впрочем, то же самое, с разницей лишь, что Дэн раздражен ее отсутствием, что ему не с руки.

- Тебе не нужно сообщать, что с тобой все в порядке?

- Простите, сэр, еще не успела.

Кейт останавливается посреди улицы. Вокруг никого - только Валадилена здесь и Нью-Йорк там.

- Ну и как ты?

- В общем неплохо. Попала под дождь, но сейчас уже солнце.

- Дела идут по плану?

- Не совсем... - Устало выдыхает. Под пение птиц и стель ветра особенно раздражает эта привычная высокомерная перепалка. - Здесь все по-другому. Знаешь, я думала еще в Нью-Йорке, что мы могли бы съездить как-нибудь так вместе...

- Там наверняка даже не принимают банковских карт, - усмехается, как будто кашляет, Дэн. - Но мы об этом подумаем. Скажи Оливии, чтобы она посмотрела туры, выберем что-нибудь. Кстати, - щелкнул зажигалкой, через секунду продолжил, - ты не забыла про Голдбергов? Мне удалось отпроситься на завтра, встречу тебя в аэропорту. Они ждут нас к восьми. Успеешь привести себя в порядок.

- Дэн... ты должен отменить ужин.

- Что? Шутишь?!

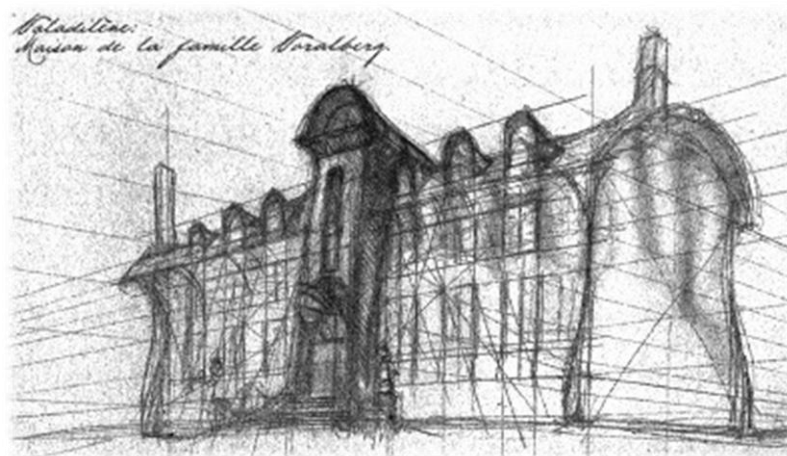
- Прости, я задумалась. Тут возникли некоторые сложности... но не думаю, что они повлияют на время моего возвращения. Просто... ты действительно решил завтра?..

- О чем речь, Кэтти! Решаю не я - это Голдберги дают мне шанс предстать перед ними. На кону миллион, понимаешь?

- Понимаю. - Не хотелось больше его слышать. - Все будет, Дэн, не волнуйся. Я должна идти. Целую.

Она отключается, не давая ему ответить. Проходит несколько секунд, прежде чем Валадилена возвращается к ней.

Ключ легко поворачивается в замке, со скрипом ползет створка ворот.

Глава третья Письма

Владения Воралбергов - город в городе. Раскинувшийся на несколько гектар парк, переплетенный мощеными дорожками, с фонтанами, центральный из которых подобен звезде с пятью лучами-аллеями. Не считая ту, которой идет Кейт, две ведут к фабрике, одна к зданию вокзала, еще одна - к особняку. Благородная строгость возносится над богатой элитарностью. Но сильнее - ощущение упадка. Много месяцев фабрика закрыта, вокруг ни души. Хотя порядок поддерживается.

Кейт представляет Анну Воралберг, идущую этой дорожкой, на фабрике осматривающую сборочные линии, авторитарно и беспристрастно, но человечно, как и положено настоящей хозяйке. Реальность мешается с чувствами, и Кейт с удивлением осознает себя настоящую.

На козырьке крытого мосточка через реку потерявшие краску буквы - Воралберг. Здание фабрики подавляет, огромное панорамное окно отражает небо. Высокие двери не заперты. Гигантский цех; тянутся ряды конвейеров, вздымаются стеллажи, с навесных рельс манипуляторами свешиваются длинные суставные трубы, оканчивающиеся похожими на острые клювы захватами. Кейт почти слышит стрекочущий тяг цепей, резонирующие колеса тележек, резь инструментов и токот конвейерной ленты. Вдыхает приятный запах машинного масла, обожженного металла и опилок. Но все застыло. Ведущего нет, и ведомые не смеют казаться. И Кейт хочет, чтобы вокруг ожило. Забилося вновь сердце долины, осиротевшее, но живое.

"Если добавить к контракту пункт о привлечении к работе первостепенно местных мастеров..."

Сухо раздаются ее шаги.

"Фабрика останется прежней..."

Горит свет, в недрах цеха ровно гудит трансформатор. Кто-то должен здесь быть. Кейт поднимается лестницей. На широкой платформе небольших размеров строение; высокие арочные окна, благородного дерева дверь. Кабинет Анны Воралберг?

Небольшой и плотно заставленный. Круглый низенький столик с четырьмя, почти что без ножек, креслами; широкий шкаф с антресолюю за стеклянными узорчатыми дверцами; письменный стол, длинный, полукруглый, и во всю ширину стены за ним - огромный, до потолка, шкаф, полный множеством книг. Горят под потолком белые лампы.

Стол с зеленым сукном. Рабочий порядок - хозяин ушел, но скоро вернется. На левой половине разложен чертеж - со множеством изгибов, похожая на перевернутый кверху днищем корабль конструкция. Стопка листов - счета. Много счетов.

"Ассоциация судебных приставов... Касательно погашения задолженности... Общая сумма, числящаяся за Вами, в настоящий момент составляет... Мы вынуждены отметить, что, несмотря на ряд извещений, отправленных нами в Ваш адрес, за Вами по-прежнему числится задолженность... По счетам за январь, февраль и март 1998 года с учетом пени за задержку оплаты... В случае отсутствия положительного решения с Вашей стороны, я буду вынужден начать дело о принудительной оплате... В случае отсутствия платежа с Вашей стороны, мы будем вынуждены приостановить все поставки и обратиться к уполномоченным лицам за разрешением проблемы... Не сомневаемся в скорейшем ответе с Вашей стороны..."

Перотэн и Бланиар... Столярные работы Фонтэнэ... Жан Мартино, главный бухгалтер..."

Причина болезни Анны Воралберг. Банк, под давлением партнеров и акционеров, отказался от поручительств. Серия заказов была сорвана, что повлекло за собой новые расходы. Фабрика оказалась на краю гибели. Единственный способ увеличить бюджет и погасить задолженности успешно отторгался в течение года. План слияния давал фабрике возможность остаться на плаву, увеличить производство и усовершенствовать технологии...

И Альфортер хочет от этого отказаться! Принять наследие Анны Воралберг. Она не скрывала своих взглядов относительно современного мира, которому советовала держаться подальше от фабрики и деревни. Но только этот мир и мог спасти Валадилену, сохранив, что у нее было, и принеся полезное новое. Вернуть молодежь, чтобы трудиться и зарабатывать у себя дома. Идеальное место с великолепными перспективами, а чувство старинной фотографии не пропадет, никто не станет его прогонять, наоборот: устроители придумают, как привлечь покупателей; создать неповторимое место развлечения, да - развлечения! Людям необходимы развлечения, чистые, светлые, в этом маскирующимся благополучием мире, а чем плохо провести каникулы в уютном городке, окруженном лесами, где горы в голубоватой дымке, с детьми, с любимым человеком! Но нет, участь Валадилены - осенний дождь, пожелтевшие страницы перечня постояльцев в гостинице и воспоминания. Поэтому наследником стал Ганс Воралберг, реальный или вымышленный, находящийся неизвестно где.

Дневник посреди стола. Темно-красная кожа, замок на боку. Витиеватая вязь: Анна. Рядом пачка конвертов, неизвестные, таинственные города. Мысли разбегаются. С чего начинать? Письма?..

Первое под руку, из середины:

"...под звуки аккордеона, в свете костра, мы праздновали всю ночь. Может, впервые я понял, что такое семья. Как мне хотелось, чтобы ты была вместе со мной. Я смотрел на Катеринку и видел тебя..."

Осторожно другое, раскрыла:

"...осень, крики чаек, утренний ледок на лужах. Где-то гудит невидимая самоходка, плеск якоря и грохот цепей. Здесь фахверковые дома, как дома, но за озером город из железа и кирпича. Мне хочется, чтобы он стал веселее..."

А вот...

«Валадилена, 6 апреля 2002».

Кейт чувствует, как бьется сердце.

«Милый Ганс, я знаю, как ты не любишь письма, но у меня нет времени мастерить для тебя звуковой валик. Я надеюсь, кто-нибудь из тех, кто сейчас рядом с тобой, будет настолько любезен, что прочтет тебе эти строки.

Я получила от тебя последний набор чертежей. Твой проект великолепен! Возможно, он лучший из созданных тобой. Похоже, время не властно над твоим талантом. Я горжусь тобой, мой милый братик! Иногда мне трудно поверить, что с тех пор, как мы встречались последний раз, прошла целая вечность. Все еще кажется, что ты покинул Валадилену только вчера.

Я немедленно внесла изменения в производство в соответствии с присланными тобой инструкциями. Локомотив будет закончен меньше чем за неделю. Если бы ты только мог его видеть! И ты его обязательно увидишь, это я тебе обещаю. Он просто великолепен и выглядит так, словно ему не терпится сорваться в свое первое путешествие. Только Оскар все еще не готов, но, надеюсь, я скоро его доделаю. Все детали, что ты присылал в прошлый раз, я установила согласно твоим заметкам. Наладь наша фабрика производство таких аналогов, и мы бы встали в ряд с высокотехнологичным миром! Не верится даже, что когда-то я смотрела на него, как на чудо, дивясь невозможному. Теперь он все равно что часть меня. И, конечно же, он чудо! Моя любовь и одновременно головная боль. Несмотря на все твои инструкции, его механизм невероятно сложен, у меня уходит уйма времени и ручного труда.

Поправь меня, если я не права – ты хочешь, чтобы я привезла тебе ту проклятую доисторическую игрушку, одно только воспоминание о которой... С ней все в порядке, давным-давно я спрятала ее, от себя и ото всех. Я привезу ее тебе. Сейчас я слегка приболела: подхватила обратительный грипп! Надеюсь, через несколько дней буду чувствовать себя лучше. В начале сентября, как мы и договаривались, я выеду из Валадилены. Пока я никому об этом не говорю; мастера, работающие над поездом и помогающие мне с Оскаром, не знают, для чего в действительности понадобится и тот, и другой - Оскара я попросила ни о чем никому не говорить. Я долго думала, но мне кажется, что я не предаю Валадилену, уезжая. Времена меняют друг друга, и наше с тобой время подходит к концу.

Идея продажи фабрики постепенно обретает форму. Это все равно, что звать в наш дом нежеланных гостей. Но уже ничего не поделаешь. Валадилене нужны деньги, и с корпоративным приходом они у нее появятся. А я, наконец, увижусь с тобой. Столько лет, Ганс, столько лет... А мне порой кажется, что то наше Рождество было только вчера...

Скоро должен прибыть юрист из Нью-Йорка, и мы подпишем последние документы. В этом случае я...»

Кейт откладывает листки, откидывается на мягкую спинку кресла. Как никогда хочется ей сейчас закурить. История, в которую она угодила, гораздо реальнее, живее, чем думалось полчасом раньше. Анна, на построенном по чертежам Ганса поезде, собиралась отправиться к нему. Привезти какую-то доисторическую игрушку. Встретиться. Трогательная история. Ганс, где-то там, ждет ее, не зная, что никто уже к нему не придет.

Только сейчас Кейт замечает шкатулку. Размером с ладонь, блестящая глянцем дорогого дерева. Колкий щелчок, и крышка откидывается. Внутри фигурка мамонта и сидящего на нем наездника; сделана, наверное, из кожи, но бивни выглядят как настоящая белоснежная кость.

Еще письмо. Анна писала самой себе:

"Со времени отъезда брата мне ни разу не выпало случая повидать его. К счастью, несмотря на это, мы остались близки духовно. Все эти годы я могла наблюдать за переменами в его жизни. Ганс присылал мне письма, звуковые валики. И проекты. Их я активно использовала в производстве. Именно они способствовали успеху Воралбергов. Ганс всегда обладал удивительным даром вдохнуть жизнь в вещи с помощью хитрых комбинаций шестеренок и пружин. Мой брат - гений в истинном смысле этого слова.

Я не знаю, собирается ли Ганс вернуться в Валадилену, но думаю, если бы он вернулся, это благотворно отразилось бы на деревне. Ведь в действительности это его фабрика. Благодаря проектам, которые он присылал мне, Валадилена была такой... какой она не является сейчас... Ганс стар, как и я...

В моих мечтах Ганс возвращается в Валадилену, и деревня оживает вновь. Но мечты уже давно перестали воплощаться в реальность. Я думала, что справлюсь сама, без продажи фабрики на Запад; какое-то время мы наладили линию заказов, у меня появилась надежда, что мы покончим с долгами, но огонь затух не разгоревшись. Ганс... нет, я обманываю себя, Ганс не вернется. Лучше закончить эту тяготу и передать фабрику международной компании.

Я пишу так, будто то, что кто-то встретится с Гансом, несомненно.

Но могу ли я просить о таком?

О том, чтобы поезд отправился к Гансу, как мы с ним планировали...

Это позволяло мне быть живой последние годы. Я готовилась к путешествию. Мы условились встретиться с Гансом - как говорил он в письмах: его путь подошел к концу. Он нашел, что искал; ради чего и покинул тогда дом. Ганс хотел, чтобы это смогла увидеть и я, он хотел показать мне свою мечту. Механический поезд предназначен для этого. Он собран по чертежам, присланным Гансом.

Ганс подготовил для меня дорогу к себе. Грандиозная авантюра! Конечно, можно возразить, что гораздо проще было бы приехать в Валадилену самому Гансу, но... Это же мой брат! Даже если не брать во внимание изменения, которые произошли с ним из-за того несчастного случая в детстве, Ганс всегда был озорным ребенком. Ему нравилось выдумывать игры. И сейчас он ребенок тоже. Восьмидесятилетний старик с наивным сердцем.

Как жаль, что я не увижу его.

Последнее письмо я получила полгода назад. Оно было отправлено из места под названием Вальсембор. Далеко на Востоке, в таинственной стране Сибирь. Так сказал в письме Ганс. В Валадилену же его письма всегда отправлялись из пограничного Морлока. Ганс рассказывал, что с доставкой ему помогает знакомый капитан. Сама я писала тоже на Морлок, где письма хранились до востребования. Этот капитан, когда бывал у границы, забирал почту и доставлял ее Гансу. А давно, почти шестьдесят лет назад, когда Ганс был еще в Баррокиштадте, университетском городке в нескольких днях пути от Валадилены - мы переписывались каждый месяц. Потом он отправился дальше, на Восток.

В начале сентября я собиралась выехать из Валадилены. Я даже не знаю, где встречу Ганса - Оскар и поезд приведут меня к нему. К тому времени фабрика уже продана, а я свободна в своем путешествии, единственном и последнем. Но этому не суждено сбыться, я чувствую. Мы не встретимся с Гансом, он не увидит механический поезд. Фабрика перестанет быть фабрикой Воралбергов.

Неужели ничего нельзя сделать?..

Мое сердце восстает над разумом. Ведь если бы только можно было встретиться с Гансом, рассказать ему... что меня больше нет, что фабрика... фабрика ждет его возвращения, последнего Воралберга!

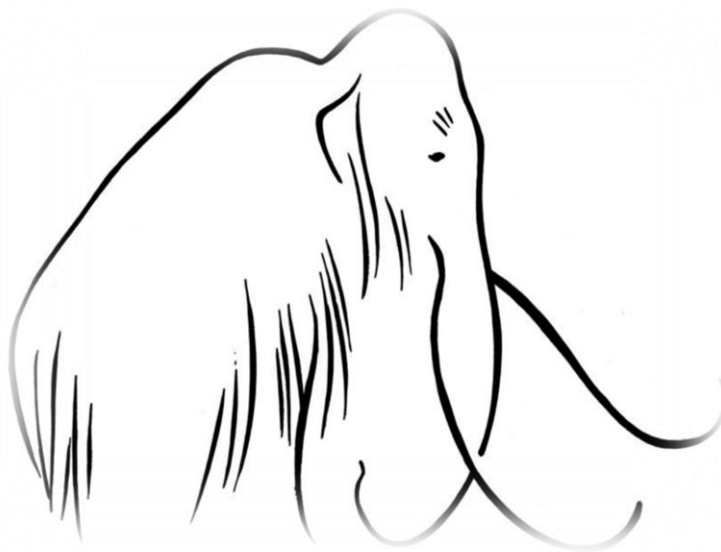
Законного наследника... После моей смерти он станет единственным и законным наследником.

Это будет мое последнее слово Рувусу..."

Может, все это сон? Сибирь... Это не просто *где-то*, это Сибирь в России, где холод, Москва, Красная площадь, подружка Katerina Volkova, к которой ездила студентом... Что еще она знает?... Кейт хочется поделиться всем этим с Оливией, или Дэном, или вообще с матерью.

Но звонить придется Марсону. "У Анны Воралберг есть наследник. Ее пропавший брат. Я знаю, где искать его.

Он в Сибири."

Глава четвертая

Дневник Анны

Кусочки жизни из писем. Разрозненные моменты, известные Анне, но предстающие перед Кейт зарисовками. Жизнь Ганса Воралберга была полна встреч и мест на пути к тому, что он нашел и хотел показать сестре. Шестьдесят лет он находился в путешествии, изменяя места, где жил годами - так поняла Кейт. Двадцатый век неотступно следовал рядом: перед Кейт промелькнули нацистская Германия и советская Россия; катастрофы истории, создающие людские судьбы. Целой картины не получалось - писем не много, в основном чертежи, расчеты, и Кейт понимает, что переписка была не единственным способом общения. Звуковые валики - вот где самое главное. Но в кабинете их нет.

В дневнике Анны Воралберг начало истории. Некоторое время Кейт смотрит на обложку, ощущая незримое присутствие. Анна писала дневник давным-давно, это можно считать доказательством здравомыслия. Осторожно, Кейт открывает дневник. 1930 год. Мадам Воралберг четырнадцать. Возраст Анны Франк, запечатлевшей в тетради время. С чувством причастности к событию не менее важному, Кейт начинает читать.

14 мая.

Вчера произошло ужасное. Не знаю кому рассказать. Этот дневник станет моим доверенным. Ганс в соседней комнате между жизнью и смертью. Как и мама, он... Нет! Нет! Нет! НЕ ЗАБИРАЙТЕ У МЕНЯ И МОЕГО БРАТА!!!

Кейт отмечает, что не дышит. Она не думала, что история начнется сразу и так.

15 мая.

Ганс заставил меня поклясться, что я сохраню все в тайне, но тебе, дневник, я расскажу. В горах мы нашли пещеру, и наскальные рисунки на стенах, без сомнения, доисторические, потому что на них были мамонты - древние животные. Теперь я ненавижу мамонтов! Они виноваты в

случившемся! И эта проклятая кукла! Почему я позволила тебе, Ганс?! Я виновата. И теперь ты лежишь в коме. Если ты умрешь, я никогда себе не прощу!

У Кейт саднит горло. За монументальностью мадам Воралберг она и не представляла когда-то существовавшую девочку, девушку - от плетения слов исходит юношеская зрелость. Ганс вышел из комы спустя неделю, когда все отчаялись. Все - это Анна, Гертруда (без сомнения, прислуга), и отец. О нем дневник лаконичен, и становится ясно, что отца Анна одновременно любит и ненавидит. Первое, что Ганс произнес, было имя сестры. Окруженный заботой, он стал медленно возвращаться в этот мир. За месяц состояние улучшилось, но он почти не говорил, пребывал в себе, словно медитировал, как сравнивает Анна. Однажды она заговорила о пещере, надеясь узнать, помнит ли он. Ганс произнес только одно слово: "мамонт". И вновь погрузился в небытие.

Он напоминал ей брата, вспоминает Кейт утренний разговор с хозяином отеля и Момо, хлопающего дверью.

Через пять месяцев после случившегося Ганс неожиданно взял бумагу и карандаш и стал рисовать. Он занимался этим дни напролет, нервируя отца. Анна видела, что за нагромождением линий скрываются мамонты, и сердце ее холодело. Долгое время она так и не понимала, что происходит с братом, пока однажды не услышала разговор отца с доктором. "Имбецил", сказал отец. Без особого желания Анна уделяет ему внимание на этих страницах. Дела на фабрике в то время тоже не ладились. Банк не собирался финансировать еле держащийся сектор экономики. Франц Воралберг, как, впрочем, впоследствии и сама Анна, в своих альтруистических убеждениях шел в разрез с остальным миром, не принимая наступление энергетического века и побуждая партнеров и спонсоров не отказываться от механических изобретений. Естественно, прагматичный мир мало прислушивался к нему, предлагая заниматься игрушками и не брать на себя большего.

Кейт сбивается на сложных предложениях, но переворачивает хрупкие страницы одну за другой.

Весной тридцать первого года Франц Воралберг отважился на новое обследование сына, на этот раз отправившись в Париж в надежде на более компетентную медицину. Но надеждам не суждено было сбыться: лучшие специалисты подтверждали друг друга - Ганс останется умственно и физически отсталым. Франц Воралберг лишился наследника, которому должен был передать дело своей жизни. Настроение в доме соответствовало своему хозяину, запершемуся в кабинете или пропадающему на фабрике. Лишь Гертруда дарила Анне и Гансу любовь, верой побеждая науку и уча тому их самих. Отец же, питаемый коньяком и горем, не желал сдаваться. Однажды он взял Ганса с собой на фабрику. Анна настояла пойти с братом, который пришел в ужас от отцовской решимости. День за днем Франц Воралберг не оставлял Ганса, и вот уже Анна осталась дома, провожая их. Отец доказывал Гансу, что тот чего-то стоит, что он может, вопреки приговору, быть истинным Воралбергом. И Ганс стал им.

Первым изобретением был маленький механический мамонт с поднимающимся и опускающимся хоботом. Сперва сестре, затем Гертруде и отцу. Франц Воралберг кивнул сыну, но Анна видела в его глазах победу. Вскоре новые мамонты уже могли ходить и крутить головой, двигали хоботом и хвостом. Директор фабричного цеха мсье Грипс находил Ганса невероятно талантливым, сожалел только, что тот делает "одних лишь слонов". И Франц Воралберг решился на следующий шаг. Поскольку Ганс не мог больше ходить в школу со своими сверстниками, он становился взрослым - человеком, необходимым к работе. Принимался официальным рабочим на фабрику. Но производству не нужны мамонты. Планируемые к реализации разработки были самыми амбициозными за всю историю Воралбергов - *автоматоны*, практически живые люди, существующие на заводном ходу сотен шестеренок, цепочек и гирь. Незачем истреблять ресурсы в топливо, когда отлаженный механизм нуждается лишь в капле масла и повороте ключа. В ответ Ганс молчал. Анна чувствовала, будто в них двоих, отце и брате, борются противоположные мысли - механизмы, служащие людям, и механизмы, дарящие людям радость.

Ганс молчал, и с момента, как стал работать на фабрике, больше не прилагал усилий заговорить. Пользуясь немногими необходимыми словами, свои мысли он выражал в макетах изобретений. А когда усовершенствовал конструкцию сборочной линии, Франц Воралберг и мсье Грипс всерьез взялись за изучение его чертежей. Анна подбадривала брата, искренне восхищаясь его мастерством. Он талантлив, и изготовление автоматов доставляет ему удовольствие. Ремесло на фабрике - его единственная возможность делать полезное в жизни. Ганс делал вид, что не слушает, но Анна знала, что это не так. Если бы только отец относился с пониманием и уважением к желаниям Ганса... но механические попугаи, выкрикивавшие распоряжения, и тому подобные *необязательные* вещи, непреклонно отвергались.

10 июля.

Папа решил поговорить со мной о моем будущем, поскольку я сдала все экзамены. Он хочет отправить меня учиться в университет, потому что, как он говорит, уровень моего интеллекта изумляет. Мое сердце билось так громко! В самом деле, я очень люблю учиться, но мне будет очень тяжело расстаться с Гансом.

Анна разрывалась между стремлением ехать в университет и нежеланием покидать брата. Маленький подарок-мамонт нашелся сломанным в тот вечер, когда она рассказала об этом Гансу. Но не смотря на все колебания, Анна уехала. Отец не понял бы, почему она хочет остаться. Встретившись на Рождество, оставшись с сестрой наедине, Ганс трещал без умолку, они смеялись и были счастливы как никогда, а взамен мамонта появилась изящная балерина. Расстояние не смогло разлучить их дружбу.

На странице тонкой полоской приклеен цветок, сорванный семьдесят лет назад. Кейт трогает листок. В мыслях - не разобраться...

В тысяча девятьсот тридцать седьмом году Анна Воралберг, молодая женщина, вернулась в родной дом.

Немного странно вновь держать в руках этот дневник. Первым желанием было просто порвать его, но я не поддалась, и вместо этого последовала второму желанию – продолжать писать. Снова я одна на чердаке. В этот раз я прожила дома два месяца, а после радостного лета, проведенного мною с братом вместе, Ганс вернулся на фабрику. Отец очень постарел, а Гертруду совсем замучил артрит.

В целом эти четыре года оказались удачными и для отца и для Ганса. Их отношения стали менее напряженными. По-прежнему они не слишком разговорчивы друг с другом, но теперь у них есть общее дело - фабрика! Я даже начинаю чувствовать, что немного ревную. Глупо, в самом деле.

Ганс ничуть не изменился! В помощь Гертруде он спроектировал полностью автоматизированную кухню, и Гертруда теперь все время жалуется на своих деревянных человечков. Я их просто обожаю! Ходила посмотреть, как работают отец с Гансом. Столько лет не была на фабрике! Поразительно, насколько все изменилось. Мне было ужасно любопытно увидеть их за работой. Очень понравился новый папин кабинет. У Ганса есть своя собственная мастерская, она завалена странными предметами и деталями, незаконченными автоматами и какими-то проектами – именно так, как я себе и представляла. Дела на фабрике идут полным ходом. Заказы на игрушки поступают нескончаемым потоком. Когда в университете я сказала, что моя фамилия Воралберг, меня тут же спросили, имею ли я отношение к фабрике в Валадилене. Теперь я знаю, какое влияние оказал гений Ганса на известность нашей фабрики.

Чтобы от меня была польза, я взялась помогать отцу приводить в порядок бумаги. Самым необычным было впервые возникшее чувство, что мы трое – настоящая семья.

Ганс не прекращает меня удивлять! Его поведение на фабрике и дома очень сильно отличается. В своей мастерской он серьезен, собран - занятый молодой человек, внимательно наблюдающий за происходящим, весь в движении и решениях. Со стороны может показаться, что каждая игрушка – не меньше, чем его собственный ребенок. Но дома он сам превращается в ребенка, то угрюмого, то, наоборот, веселящегося как клоун. Мы часто смеемся как дети, под неодобрительным взглядом отца. Но я-то знаю, что на самом деле папа только притворяется. Он любит нас!

Спустя несколько счастливых страниц Кейт понимает, что добралась до главного эпизода в этой истории. Тысяча девятьсот тридцать восьмой год...

Прошлым вечером Ганс зашел провести меня в мою спальню. Мне было очень неловко, ужасно не по себе. Мне кажется, я догадалась: Ганс хочет уехать. Покинуть Валадилену! И дом, и фабрику. Он собирается путешествовать, при этом, даже, не зная еще, куда и надолго ли он отправится. Это так на него похоже! Я была настолько шокирована, что сказала, что его планы просто идиотские. Ганс опустил голову и молча вышел из комнаты.

Мне показалось, что он решил уехать из-за отца! Ничего подобного! Снова все из-за мамонтов! Он хочет отправиться на их поиски! Мне казалось, что он уже освободился от этой навязчивой идеи. Я хорошо знаю своего брата и даже не стану говорить ему о безнадежности его затеи. Бесполезно – все равно он меня не слушает. Я решила вернуться к этому разговору и спросила Ганса, уверен ли он в своей затее. Ответ мне ясен заранее: ничто не заставит его изменить свое решение.

Не смотря на глубокую печаль и отчаяние, я должна помочь Гансу достичь выбранной цели и подготовить отца к этой новости. Я опасалась худшего. Но все оказалось даже хуже, чем я представляла. Папин гнев был ужасен. Он запер Ганса в его мастерской и запретил, кому бы то ни было, к нему входить, за исключением Гертруды, приносившей ему еду. Отец решил, что Ганс должен оставаться взаперти до тех пор, пока не откажется от своей ребяческой затеи. Гертруда говорит, что Ганс очень подавлен, но все равно настроен решительно. Я схожу с ума от беспокойства. Всякий раз, как Гертруда возвращается с фабрики, я стремлюсь узнать от нее новости о брате. И всякий раз она со вздохом отвечает, что он молчит и только крутит в руках какие-то детали и кусочки. В отчаянии я попыталась поговорить с отцом, но поняла, что только напрасно трачу время.

9 февраля Гансу исполняется восемнадцать. В свой день рождения он совсем один. Вечером Гертруда тайно принесла маленькую механическую игрушку. Она изображала нас с ним в детстве! В нее был встроен маленький валик, испещренный крохотными отверстиями. Поворачивая ключ, я почувствовала, что вся дрожу от волнения. Сообщение было простым: он говорил, что любит меня. Очень, очень любит...

Гертруда принесла еще один валик для моей игрушки. Ганс – невероятный человек. Он смог найти способ связаться со мной, сохранив эту связь в абсолютном секрете. Мои дни проходят в непрерывном ожидании сообщений от Ганса. Он решил бежать. Теперь он готовит свой побег, словно это игра!

6 марта Гертруда вернулась сама не своя. Ганс исчез! Отец даже не снизошел до того, чтобы сходить в мастерскую, где он запер своего сына, и посмотреть, как ему это удалось. Он лишь обжег меня тяжелым взглядом, словно догадываясь о том, что мы что-то затевали за его спиной.

Мне становится все тяжелее без Ганса. Я так без него скучаю! Господи, пожалуйста, защити моего братишку, присмотри за ним вместо меня! С тех пор, как Ганс уехал, отец круглосуточно пропадает на фабрике. Наш дом стал таким угрюмым. А однажды утром я застала отца в гостиной за установкой гроба на подставку. Я почувствовала, как кровь стынет у меня в жилах. Да что же он делает? Ответом на мой вопрос было только молчание и потемневшее лицо отца.

Гостиная с задернутыми занавесками, с гробом, окруженным огромными свечами, стала похожей на настоящий траурный зал. Как страшно! Я, наконец, поняла, что отец затеял! Приходил священник, чтобы молиться перед гробом, и я все поняла. Отец надел траур! Траур по Гансу! Папа заставил священника поверить в то, что его сын погиб! Как же он мог?! В своем безумии от случившегося горя, отец стал еще более холодным и расчетливым. Он связался со своим старым другом, доктором Шмолем, который написал настоящее свидетельство о смерти, даже не увидев тела. Даже вообразить не могу, какую историю он сочинил! Похороны Ганса намечены на следующее воскресенье. Отец строго запретил мне на них присутствовать. Я начала заболевать от этого отвратительного маскарада. Но я не имею права раскрыть отцовскую уловку, потому что тем самым покажу всем его безумие. Позор убьет его, это точно.

Мне нужно уехать! Далеко! Чем дальше, тем лучше!

Нет, я не уеду! Я долго размышляла и поняла: моя жизнь – здесь, рядом с отцом. Он очень нуждается во мне. И фабрика тоже, потому что отец сейчас не может управлять ей. Кроме того, я могу чувствовать себя спокойно только в окружении автоматов, созданных Гансом. И как я смогу узнать, что он прислал мне что-то новое, если сама буду вдалеке от дома? Нет, я не уеду! Мое предназначение – оставаться здесь и наблюдать».

Семейная драма. Все теперь видится по-другому: Валадилена, фабрика, Анна. Вот почему она взяла под опеку Момо. Вот что стало последней каплей в решении о продаже – госпожа Воралберг собиралась в путешествие, из которого уже не суждено было вернуться назад. Через столько лет она должна была встретиться с братом. Он не знает о ее смерти. Он будет ждать ее за тысячи миль отсюда, но так и не дождется. Кейт грустно смотрит на чертеж механического поезда.

Она здесь - чтобы подписать договор. Ни для чего другого.

Глава пятая Секрет Момо

- Нарисуй для Момо мамонта, Кейт!
- Момо! - Голос сорвался. - Как ты меня напугал! Как ты здесь оказался?.. Так тихо открыл дверь!..
- Момо следил за Кейт. Но Момо не сыщик. Момо интересно. Кейт нарисует мамонта?
- Сколько угодно... Момо, расскажи мне про Ганса.
- Сначала нарисуй мамонт для Момо.
- Я не умею рисовать мамонтов.
- Анна рисовала мамонт, Ганс рисовал мамонт. Кейт тоже.
- А тогда ты расскажешь мне что-нибудь про Ганса?
- Момо знает секрет. - Он протягивает лист и карандаш. - Момо покажет секрет Кейт, если Кейт нарисует мамонт для Момо.

Кейт смотрит на чистый лист.

- А если я нарисую тебе коробку с мамонтом внутри?

- Нет! Момо нужен настоящий мамонт! Как эта фигурка. Как эта пластинка.

Достал из кармана металлический диск с рельефным рисунком: мамонт, с волосатой шкурой, длинным хоботом, огромными загнутыми бивнями.

- Это мамонт!

- Вижу. Давай его сюда.

Кейт возвращает фигурку с наездником в шкатулку, кладет диск под лист и закрашивает выпуклую часть легкими быстрыми штрихами. Момо с интересом смотрит, как вслед за карандашом на листе появляется изображение. Мамонт. Момо рассматривает лист, поднося на ламповый свет - рисунок и способ его создания нравится ему.

- Теперь секрет! - напоминает Кейт.

Момо аккуратно складывает лист в маленький квадратик, прячет в карман.

- Нужно взять фонарь, как делал Ганс! - Он идет в угол, к висящему на стене стеллажу, со знанием открывает дверцу, снимает с крючка большой застекленный фонарь. - Идем!

Из здания фабрики на улицу, минуя фонтан и ворота, мимо пекарни, магазинов, дома нотариуса, до самого конца, где стена с запертой высокой железной калиткой. Момо извлекает из кармана ключ, отпирает замок, бежит дальше, через мост над рекой, вверх по каменным ступенькам, поднимающимся на холм, за которым темнеет лес. Затененная кронами деревьев, выложенная булыжником площадка, обнесенная узорчатой оградой, со стоящими вдоль скамьями. Следующая лестница, еще выше, на проложенную через лес дорожку. Кейт переходит на шаг, поднимаясь по ступенькам. Дорога длинная и прямая. По бокам, на возвышенности, могучие деревья, сквозь листву солнечный блик, играющий по лесу золотисто-белым. Сложенный из бревен мосточек - здесь река разливается в небольшое озеро, вдалеке виднеется рукотворная запруда. Воздух после дождя, шелестящий лес, на разные голоса птицы. Кейт проходит мимо разбитой, наполовину затопленной лодки, за стену высоких валунов, и видит Момо. Он сидит на камне, поставив фонарь на песок, и даже не выглядит запыхавшимся.

- Хорошенькая прогулочка! - Кейт садится с ним рядом. - Здесь и правда неплохо.

- Момо часто сюда приходит! Момо нравится делать брызги!
- Это и есть твой секрет?
- Секрет! - Момо кивает. - Мамонт в пещере, нарисованный на стене. Ганс нашел настоящий мамонт, но маленький. Кукла в шкатулке.
- Так это здесь... - Кейт оглядывается.
- Момо не врет!
- Конечно, нет. Ты и правда думаешь, что Ганс до сих пор жив?
- Анна говорит, Ганс уехал, - кивает Момо, - но Ганс может вернуться. Или Анна и Момо поедут на поезде к Гансу.
- Анна хотела взять тебя с собой?
- Анна так говорит, - говорит Момо и вдруг взмахивает руками, - поезд, поезд! Ту! Ту-у-у-у!!!
- Тише, Момо, тише! - Кейт успокаивающе кладет руку ему на плечо. - Ты приходил сюда с Анной?

Момо кивает.

- Анна любит Момо! Анна любит Ганса. Анна уехать.

Сходить в пещеру? Зачем? Чтобы убедиться, что все это правда. Зачем? Чтобы найти Ганса Воралберга.

Зачем?..

- У тебя есть, чем зажечь фонарь?

- У Момо все всегда есть!

Улыбаясь, он достает из кармана куртки мятую коробочку спичек.

Дорога огибает валуны, прерывается полоской воды, шириной чуть больше шага. Дно озера усеивают сотни камней, вода настолько прозрачная, что каждый камушек можно видеть. На другой стороне дорога опять появляется, тянется вдоль кромки каменистой стены, заканчиваясь у входа в пещеру. Оттуда веет холодом и сыростью. В пещере высокий потолок; недлинный коридор поворачивает и приводит в большую карстовую комнату. Свисают сталактиты, сквозь щель в дальнем углу проглядывают лучи солнца. В фонаре никакой надобности, но Кейт уже запалила фитиль, идя по короткому, ведущему в пещеру, коридору. В центре пещеры высокая, едва не упирающаяся в потолок колонна с площадкой наверху. Самая ровная стена идеально гладкая, и Кейт видит рисунки: на огромных мамонтах, облаченные в тяжелые одежды и вооруженные длинными копьями, сидят люди. Три наездника величаво выплывают из тени, мелькают отблески огонька, и кажется, что они действительно сейчас придут в движение. Кейт ощущает странное чувство, не поддающееся объяснению – она рядом с невозможно далеким временем, из иного мира, страшного только тем, что он был невообразимо давно. Огромные тени проявляются из стены под неярким светом фонаря. Странное чувство усиливается, когда Кейт представляет, что тени эти созданы рукой человека, жившего в том немыслимом мире. Она стоит в древней пещере, и в голове роятся всевозможные мысли, главные из которых о бессмысленном Нью-Йорке, о мистере Марсоне и Universal Toys Company. Валадилена кажется теперь более реальной, здесь была Анна, здесь был Ганс - в Нью-Йорке же нет ничего, кроме каждодневной симфонии вечно куда-то несущегося города. Она приглядывается к одному из наездников, и по спине ползет холодок: лицо его, обозначенное лишь намеками, кажется лицом самого времени.

Она выходит на воздух и голова проясняется. Только сейчас Кейт понимает, что в пещере чувствовала себя не лучшим образом и как будто находилась в полусне. Ей даже слышались звуки далекого, словно прорывающегося через непреодолимую завесу, барабана, рваные удары которого звучали глухо и жутко. Уж не поэтому ли сорвался с уступа и Ганс семьдесят два года назад?

Момо смотрит на нее во все глаза.

- Момо боится пещеры! Там жить злые духи!

- Не знаю. - Кейт задует пламечко в фонаре, закрывает скрипучую крышку. - Но там, и правда, не по себе.

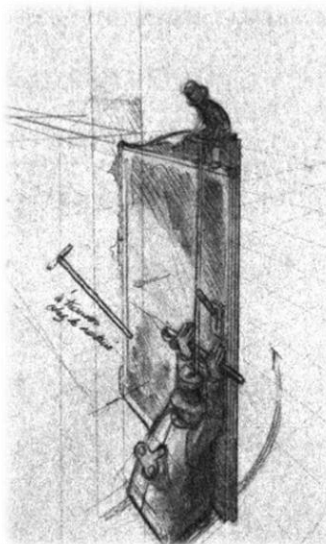
- Момо ходить везде! Но в пещеру не ходить - страшно! Про пещеру рассказывать Анна. Момо не боится даже ходить на кладбище! Где склеп.

- Склеп?

- Дом с человеком! Сегодня там много людей, и Момо лучше с Кейт. Но Момо любит быть на башне. Момо любит смотреть с высоты, и все тогда видно.

- Башня - это церковь? - Кейт вспоминает утреннюю дорогу от вокзала и скорбную процессию амбициозных автоматов. Фальшивая могила Ганса Воралберга и настоящая - его сестры.

- Башня! - кивает Момо. - Колокола звонят. А внутри человек на кресте...

Глава шестая

Одна

Момо провожает Кейт до гостиницы. Скоро назначенный Альфортером обед, где они решат, что делать дальше. Но что решать? Кейт уже все решила - когда прочитала дневник Анны Воралберг. Она искренне сопереживает происходящему, и от того злится. Нужно заниматься задачей ей порученной, а не рассеиваться на личные переживания. Почему бы нотариусу не заняться этим самостоятельно, зачем нужно впутывать кого-то еще, совершенно чужого? У Кейт своя жизнь, и какое право имеет Альфортер в эту жизнь вмешиваться, подсовывая ее не касающиеся семейные тайны! Ведь она уже думает о Гансе Воралберге. Отвлекая себя и разлаживая работу фирмы. Нужно завязывать с этим пока не поздно. Потому что Альфортер ведет свою игру. Искренне желая исполнить последнюю волю госпожи Воралберг, нотариус хочет найти Ганса Воралберга силами американской юридической фирмы. Информация о наследнике всплыла на слишком поздней стадии. Отказ от договора практически невозможен. Документ, который, якобы, должен подписать Ганс Воралберг - итоговый протокол, с ссылками на другие соглашения, которые представляют из себя тонны юридической информации. Разрыв соглашения в нынешнем прогрессе влечет за собой неустойку, равную девяноста процентам итоговой стоимости. Что в реалиях долговой пропасти фабрики равносильно экспроприации. Альфортер вполне может организовать поиски Ганса Воралберга вне контекста этого дела. Как все запутанно! Хуже того, Кейт, в тайне от официальной себя самой, на стороне нотариуса.

Она... *хочет найти Ганса Воралберга...*

Нужно забрать дневник и письма из кабинета на фабрике. Но сейчас ей необходимо побыть одной. Кивнув хозяину гостиницы и избегнув возможных вопросов, Кейт поднимается в свою комнату. Верный телефон в руке, проводник в реальный мир, к нормальным людям.

- Оливия!

- Думала, не дождусь.

Тот мир искрится многочисленным звуком. Оливия дома, Кейт чувствует это; вот из гостиной она выходит на балкон, щелкает зажигалкой - кажется, даже ощущается ветер с Гудзона.

- У тебя получилось?

- Здесь...

- Я имею в виду сувенир.

Кейт усмехается. Привезти Оливии куклу мамонта?

- Возможно. Лив, тут все оказалось не так просто...

- Что, высокая пошлина за вывоз роскоши?

- Да прекрати ты.

Кейт замирает, удивленная неожиданной резкостью. Ну да, она в сложной ситуации, естественно, шутки сейчас могут ощущаться острее, но Кейт ловит себя, что злится не на ситуацию, а на невозможность поступить вопреки разуму.

- Анна Воралберг умерла.

- Черт...

- Да. И у фабрики есть наследник.
- Ты сейчас шутишь?
- Не шучу. Маленький городок - большие тайны. Но кажется, в ближайшее время договор не будет подписан.

Оливия молчит. Только Нью-Йорк не думает умолкать. Кейт подходит к окну, отводит штору. Сквозь зыбкое стекло смотрит на улицу. Вид открывается на фабрику. С высоты второго этажа видно здание цеха с водяным колесом, огромный особняк, лабиринт живой изгороди за ним, переходящий в зеленый сад. Куполообразная крыша железнодорожного вокзала. Где-то там - тот поезд...

- Я провожу расследование, многое узнала.
- Через два дня совещание...
- Знаю.
- Марсон убьет нас всех. - Оливия закуривает новую. Выдыхает: - Мы проиграли "Фералу"...
- Полгода работы...
- В задницу. Сейчас я на распродаже в Блумингдейле. Ни о чем больше не хочу думать.
- Представляю.
- Но твоя фабрика - это конец света. Какой наследник, Кейт?! Как такое могло произойти?..
- Здесь все другое, Лив...

Все другое. Кейт не помнит, когда последний раз бывала в месте, лишенном автомобильного шума, будничной суеты. Здесь чувствуется гораздо большее, нежели просто тихая, пусть и необычная, деревушка. Осенние горы, леса и поля, непривычное спокойствие - другой мир. Нью-Йорк отучил от тишины. Кейт чужда этому месту, как и оно чуждо ей. Но она уже не одна. С ней вместе Анна. Не госпожа Воралберг - двадцатидвухлетняя Анна.

Оливия слушает про Валадилену, Анну Воралберг, Ганса Воралберга - самое основное, Кейт исключает из рассказа себя.

- Бедный Дэн...
- Ты виделась с ним?
- Звонил мне, сразу после вашего разговора. Очень переживал.
- Из-за Голдбергов?
- Ну и это тоже. Ему и правда плохо без тебя, Кейт.
- Со мной тоже не очень.
- Ты жестокая. Все, забыли.

Оливия вернулась в комнату - Нью-Йорк исчез.

- Позвони мне как что-то разъяснится. Держу за тебя пальцы.
- Спасибо, Лив. Я позвоню. Ты... передай Дэну, что... все хорошо.
- Передам.

За окном не смолкают птицы.

Вот почему не звонит Марсон - проиграно важнейшее дело по значимому промышленному предприятию. Если сейчас рухнет и Валадилена, произойдет катастрофа. Необходимо убедить Альфортера довести уже решенный процесс до конца. Для этого мира Ганса Воралберга не существует.

Но он есть в том мире, где нет самой Кейт. Где ценности - не навязаны, жизнь - искренна; где смерть стоит того, чтобы жить. А любовь...

Чтобы ждать. Перед визитом к нотариусу Кейт увидит фамильное захоронение. Затем же, зачем ходила и в пещеру - убедить себя саму в том, о чем еще себе не призналась.

Валадилена живет своей отрешенной жизнью, под еле слышный гул ветра, шелест леса и пение птиц. Белесая пелена неба кое-где тает в нежной лазури, далекие вершины гор клубятся облачной дымкой. Шаги вплетаются в это спокойствие. В долине под холмом черточки-люди, плывущие по извилистым улочкам. На холме же Валадилена пустынна, как и утром. Через мост, по забирающей вверх дороге, к воротам кладбища. Створки не заперты. Громада церкви с высокой башней-колокольной о семи ярусах, на каждом разноразмерный колокол. Под куполообразной крышей с крестом блестит матовое окно. Влево и вправо от ворот ведут мощеные тропки. Вдаль, до противоположной стены, из высокой травы поднимаются надгробия. Левая дорожка самая длинная, к проглядывающему сквозь листву невысоких деревьев склепу. Вход - каменная постройка с сидящим на крыше автоматом. Цилиндр на голове, длинная мантия по плечам. Арочный проем закрывает решетка с толстыми, заостряющимися сверху прутьями - за ней вниз

спускаются ступеньки. Сегодня утром последний из Воралбергов, как знали жители города, спустился в каменную комнату, заняв место со своим родом.

Глава седьмая Оскар

Обедали в зале, на втором этаже, над кабинетом. Кейт голодна, но этот обед - не для еды.

- Семейная тайна не должна становиться преградой к благополучию Валадилены. Отправлять кого-то неизвестно куда - не самая лучшая идея. Этим можно заняться и в стороне от дел фабрики. Никаких документов, указывающих на существование Ганса, у вас нет. Письмо будет лежать в вашем столе. Вы законный представитель госпожи Воралберг. Мы оформляем бумаги, как ранее оговорено.

- Нет, мисс Уокер, этого не будет. Мы занимаемся только настоящим положением дел. Есть наследник, есть письменное свидетельство о нем. Информация, обосновывающая ситуацию и варианты ее решения.

В очередной раз, на втором часу совместной трапезы - непреклонно одно и тоже. Кейт испробовала все варианты.

Марсон и Лормонт на протяжении всего процесса работали с Анной Воралберг мягко, давали возможность собраться с чувствами, не смотря на то, что Universal Toys стояли за плечом, торопили - желали наискорейшего завершения дел. Фабрика в долгах, самостоятельное существование невозможно, поэтому корпорация не является злом в чистом виде; алчным представителем Запада, подминающим под свои нужды всех, кто к этому миру не принадлежит. И двести лет назад, когда прежние Воралберги закладывали здесь фундамент фабрики, они так же творили *перемены*. В будущем, когда в маленький уютный городок, славящийся своим игрушечным производством под именитой маркой Universal Toys, вдруг вновь прибудет какой-нибудь представитель нового предприятия, будет такая же смена времен, ощущение *потери*; страх, что *чувство старинной фотографии пропадет*. Валадилена боится перемен, которые ей необходимы. Альфорттер боится. Не хочет? Берет на себя ответственность?..

- Неужели все из-за консерватизма? Действительно каждый житель Валадилены так боится оказаться в современном мире? Тогда сегодня я видела не тех жителей...

- Им не из чего выбирать. У нас было слишком славное прошлое. Всегда грустно расставаться с любимым. Валадилена похожа на старика, знающего, что ему осталось недолго, и вспоминающего свою жизнь. Он будто совершает путешествие назад и переживая вновь моменты, счастливые или нет, чувствует себя самым счастливым человеком на свете. Ему не хочется, чтобы настоящее вторглось в его мир, особенно если старик одинок и кроме воспоминаний у него ничего не осталось.

- Но ведь дети и внуки не рядом, потому что старик сам прогнал их. Не со зла, а потому, что предпочел прошлое без настоящего. Мир не заканчивается на старике, его дети продолжают жить, чтобы через много лет самим иметь счастье таких воспоминаний.

- Иногда у стариков склочный характер...

- Я понимаю. Но в таком случае это выглядит... эгоистически. Обладать добром и делиться им с окружающими... правильнее, чем замкнуться с ним наедине. Ведь все это для того, чтобы здесь не открылся еще один Диснейленд. Неужели у Ганса Воралберга будет возможность сделать то, чего не смогла Анна? Хотя бы вытащить фабрику из долгов? В восемьдесят два года...

- Механический поезд собран по его чертежам. Это гениальное изобретение. Вы не видели его? А Оскара?

- Это тоже какой-то автомат?

- Автоматон. Вам нужно увидеться с ним.

- Увидеть его, вы хотели сказать?

- Я хочу сказать, что он создан по чертежам Ганса Воралберга. Как написано в письме. Мисс Уокер, послушайте меня. Последний из Воралбергов, гениальный изобретатель - он может встать во главе фабрики, как это было бы с Анной, но фабрика будет принадлежать Universal Toys, как и планировалось. Механические игрушки Воралбергов без самих Воралбергов - не об этом мечтает ваша крупнейшая компания на рынке развлечений. Автоматам нужен изобретатель. Им была Анна. Сейчас остался Ганс. После дневника и писем... вы не посмеете влезть в эту историю с еще одним Диснейлендом. Не разоренная фабрика Воралбергов пыталась спасти себя, попросив помощи у могущественных коллег, а сами коллеги, взявшие в свои руки уже все на свете, с радостью набросились на давно лакомый кусок. Юридический статус законного наследника позволяет отправиться на поиски Ганса Воралберга. Он подпишет договор и, совершенно законно выйдя из сложившейся ситуации, компания станет владельцем фабрики.

Таков итог. И об этом - Марсону в телефон.

Марсон сам кажется автоматом, когда говорит с ней.

- Вы возвращайтесь, Кейт. Universal Toys уже готовы к найму детектива...

Альфорттер встретится с новым гостем. Вместе, они проведут настоящее расследование. "Интересно, что за человек увидит Ганса Воралберга?", думает Кейт.

Она у себя в номере. За окном увядает день. Лежа на кровати, смотря в потолок, она дает мыслям волю. Ганс Воралберг, гениальный изобретатель, отправившийся на поиски мамонтов, где-то там, в далекой стране, должен встретиться со своей сестрой, но она умерла, так и не увидев брата после его исчезновения давным-давно. Анна обещала, что Ганс увидит свое творение - великолепный поезд и машиниста Оскара, самого амбициозного автомата. А еще Гансу нужна была доисторическая игрушка, с которой все и началось...

...Затерянная Валадилена, хранящая свои традиции, подарившая ей самый необычный день за всю ее жизнь, автоматы и старая фабрика, невероятная история ставшей уже такой близкой Анны, добрый Момо, с которым она гуляла по лесу и болтала за жизнь...

...Шумящий Нью-Йорк за океаном, расчетливый босс, боящийся потерять лакомого клиента, Дэн, желающий заключить очередной выгодный контракт, поход по магазинам, чтобы выкинуть кучу денег с Оливией, мать, от которой сбежал не только отец, но и сама Кейт, вся ее жизнь, загнанная в стеклянные коридоры манхэттенских авеню...

... Кейт просыпается от яркого солнца, мгновение не понимает, где она и кто, но приходит в себя, так и заснувшую без ужина в верхней одежде. Кажется, всю ночь ей снились удивительные сны - о механизмах и мамонтах, о снеге и... одиночестве. В ванной, она пытается растопить наваждения горячей водой. Но за шумом рассекающего воду на острые нити душа мысли лишь добирают веса. Обратный поезд в половине первого, хватит времени, чтобы... увидеть Оскара и его поезд. Почему бы и нет?

В кондитерской вчерашний курильщик в фартуке радостно подносит великолепный завтрак, шутит, не останется ли она и еще на денек. Нет, не останется. Она уезжает - далеко.

На фабрике никого. Ворота открыты, двери не заперты. Все умерли вместе с Анной... Кейт поднимает голову, чтобы рассмотреть потолок, и перед глазами пляшут золотые крупинки. Огромное здание. У конвейерных лент застыли автоматы, разнообразные, но все в высоких цилиндрах. Вздыхаются ввысь сотни полок, не считая разрозненных ящиков, пустующие. Бочки, баки, зажимы; с потолка и стен сплетаются в немыслимые связки десятки труб. Колесные механизмы, платформы, тачанки, прицепы. В стене чернеют туннели, из них тянутся рельсы. Кейт видит неприметную дверь. Оскар - там?..

Вдруг раздается резкий трель - звонит телефон. Усиленный цехом сигнал обрушивается на нее, как пощечина. Кейт зажимает пальцем надрывающийся динамик, давит кнопку ответа:

- Да, мам.

- Кейт! Зайка! Где ты запропала? Я тебе уже три часа дозвониться не могу!

Мать, как обычно, говорит громко, и нужно потрудиться, чтобы вставить в ответ слово.

- Я не в городе, мам. Работа.

- А где же? - В голосе восторг, но вряд ли ей действительно интересно, где и что делает Кейт.

- Франция. Провинция.

- Хм-м-м, - тянет мать то ли в восторге, то ли разочарованно. - А тебе что там понадобилось?

- Говорю же, работа. - Кейт оглядывается; кажется, голоса наполняют каждый уголок цеха. - Мне нужно было оформить продажу одной фабрики. Потом расскажу.

- Все ясно, у твоей старой матери не хватит мозгов, чтобы тебя понять! Боже мой, иногда ты так похожа на отца!

- Мама...

- Кстати, Кейт! Угадай, кого я вчера видела?

- Мам, у меня совсем нет времени...

- Фрэнка!

- Мам, пожалуйста...

- Фрэнка Малковича, того художника, с которым мы познакомились на последнем суаре. Неужели не помнишь?

- Помню, - врет Кейт. Нужно действовать стремительно, иначе мать долго еще будет не остановить. - Извини, мам, у меня правда нет времени. Я тебе перезвоню.

В тишине переводит дух. Вот она, ее мама...

Где этот Оскар?..

Кейт ждет, что откуда-нибудь появится рабочий, какой-нибудь старый мастер, который поинтересуется, что она здесь делает. Никого нет. Открывает неприметную дверь.

То, что она видит в обнаружившейся комнатке, чуть не заставляет ее вскрикнуть. Но это - автоматон. Подвешенный - распятый - за лебедки к высокому потолку, одетый в твидовый пиджак, бриджи и фуражку-картуз, он не имеет ног ниже колен. Он двигается. Металлическая голова с носом, широким ртом и закрученными вверх металлическими же усиками, свесившись на грудь, слабо покачивается. На носу объемные металлические очки.

Кейт подходит ближе, с интересом рассматривает автоматона. Лицо его выглядит благородно, представляется строгий педантичный характер. Она стоит прямо под ним, но автоматон никак не реагирует, хотя глаза его смотрят в глаза Кейт. С интересом ожидая, что будет, Кейт машет ему рукой:

- Эй! Привет!

Автоматон с лязгом дергается, замечает Кейт, хотя лицо его остается неподвижной маской.

- О! Добрый день! - Рот открывается и закрывается, голос отрывистый, звенящий и словно пропущенный через трубу, но совершенно живой, как действительно принадлежащий человеку. - Не могли бы вы быть так любезны... Я ощущаю некоторый дискомфорт, находясь в таком положении...

- Мне... опустить вас? - Кейт через секунду понимает, что автоматон ответил ей. Она подозревала, что удивительные игрушки Воралбергов могут, скорее всего, и говорить, по крайней мере, не удивилась бы, если об этом было написано в брошюре, но, все же, видеть перед собой подтверждение этих мыслей очень необычно. Жутко. Перед ней - аналог человека, способный вести осознанную беседу.

- Я был бы очень вам признателен, - говорит автоматон. - Подъемный механизм находится позади меня.

Кейт обходит широкий стол, над которым он висит, с трудом крутит огромную катушку, держащую лебедку. Автоматон опускается на стол, высвобождает из креплений руки. Кейт подходит ближе.

- Благодарю! - Он кивает головой, упирает руки в колени. - Прошу меня простить за необходимость разговаривать с вами в таком виде. Я несколько... незавершен. Видите ли, ни у кого не нашлось времени, чтобы закончить работу. Сегодня искусство качественной сборки утрачено навсегда...

- Да...пожалуй...

- С кем имею честь беседовать? Не могли бы вы громко и отчетливо произнести свое имя?

- Меня зовут Кейт, - говорит она и добавляет, - Кейт Уокер.

Автоматон кивает.

- Позвольте представиться. Я модель XZ 2000. В обиходе - Оскар. Я - вершина технологической мысли среди изделий данной фабрики. Мое предназначение - вождение поезда. Это несколько грязная, но крайне важная работа.

Он замолкает. Кейт молчит тоже, но Оскар только слабо вращает головой. Неужели он действительно может отвечать на все задаваемые вопросы?

- Ты запомнил, как меня зовут?..

- Конечно, Кейт Уокер! Рад с вами познакомиться!

- Я тоже... Модель XZ 2000... Но как?! Как это происходит?..

- Думаю, мне понятно ваше недоумение, Кейт Уокер. Сказав, что являюсь вершиной технологической мысли, я процитировал госпожу Воралберг. В основе моей конструкции чрезвычайно редкие и крайне эффективные детали. И, пожалуйста, зовите меня Оскар. Друзья зовут меня так. Эти вечные коды так скучны! Вам бы понравилось, если бы к вам обращались по номеру вашего паспорта?

- Думаю, нет, мистер Оскар. Сэр.

Кейт думает, что со стороны из них двоих, Оскар производит впечатление существа более разумного.

- Первый раз разговариваю с роботом, Оскар, - старается она непринужденно улыбнуться. И тут же спохватывается, - с автоматом!

- Весьма польщен, Кейт Уокер. - В его голосе звенящие нотки. - С вашего позволения. Знаете ли, у всех автоматов, даже если они и не наделены компонентами, которыми наделен я, есть особый блок - soul auxiliary. Проще говоря - душа.

- Я поняла, Оскар. - Кейт не по себе. Хочется еще раз себя ущипнуть. - Э... А ты давно в последний раз видел Анну Воралберг?

Ответ следует незамедлительно:

- 92 часа, 32 минуты и 20 секунд назад, если быть точным. Ее отсутствие является причиной досадной задержки в моей сборке.

- Анна Воралберг умерла, Оскар.

Автоматон не выдает никаких изменений.

- Что вы понимаете под термином «умерла», Кейт Уокер?

- Сломана... - Она забывает все подходящие синонимы. - Деактивирована... износился механизм, отключен источник питания!

- Это весьма прискорбно. Я рассчитывал, что моя сборка будет завершена.

Кейт задумывается на мгновение.

- А когда ты видел мэтра Альфортера, нотариуса?

- Я не знаком с таким человеком, Кейт Уокер.

- Расскажи мне про поезд.

Оскар вдохновлен:

- Кейт Уокер, вы уже видели великолепный поезд, который стоит на станции?!

- Нет.

- Не может быть!

- И куда идет этот поезд?

- Далеко. Очень, очень далеко.

- А пассажир - Анна Воралберг?

- Этот ответ вне моих полномочий, Кейт Уокер.

- Анна Воралберг должна была отправиться на поезде к своему брату, Гансу, верно?

Оскар смотрит на нее ничего не выражающей маской, но Кейт легко представляет, как глаза его округляются от ужаса раскрытой тайны.

- Я не могу обсуждать эту тему ни с кем, кроме госпожи Воралберг, - находится Оскар. Но тут же снова опадает: - Только... - Голос автоматона звучит взволнованно: - Если я правильно понял, госпожа Воралберг больше не функционирует, и мое назначение... не требуется?

- Я этого не говорила. Но что касается госпожи Воралберг, то да, Оскар, к сожалению. - Кейт продолжает уверенно, почувствовав его слабинку. - Теперь мне нужно знать все о Гансе Воралберге. Где он сейчас?

- Я не знаю, Кейт Уокер!

Оскар отвечает так звонко, что голос отдается от каменных стен. Он боится раскрыть их с Анной секрет.

- А что ты знаешь о нем вообще?

- Он меня спроектировал! - Голос Оскара потеплел. - К сожалению, я пока не имел чести познакомиться со своим создателем.

- Ты знаешь, он собирается возвращаться в Валадилену?

- Об этом мне ничего неизвестно, Кейт Уокер. - Автоматон сделал движение, как если бы хотел пожать плечами. - Я машинист и знаю лишь то, что положено для выполнения моей функции.

Кейт с недоверием смотрит на него. Откуда автоматону знать, что собирается делать Ганс Воралберг? Он всего лишь собран по присланным Гансом чертежам. Но если Ганс заложил в его память, как добраться до себя...

- Кейт Уокер! - прерывает автоматон ее размышления.

- Да?

Оскар растерянно стучит металлическими руками друг об друга.

- Не могли бы вы... завершить мою сборку? - Он собирается и говорит увереннее. - Мне абсолютно необходимы ноги!

Кейт чувствует, что все больше становится союзником в его глазах.

- И что ты станешь делать, когда сборка будет завершена?

- Тогда я займу положенное мне место в кабине машиниста...

- И?

- И буду ждать дальнейших распоряжений! - закончил автоматон.

Вот. Ценный помощник для того, кто собирается искать Ганса Воралберга...

- А что нужно делать, чтобы ты получил ноги?

- Необходимо собрать их на конвейере. Вам понадобится перфокарта с данными об устройстве моего механизма. Вот она.

Оскар достает из внутреннего кармана пиджака желтоватую, похожую на букву «П» пластинку, протягивает Кейт.

- Мои руки - модели XZ 2003, ноги – XZ 2005_b. Прошу быть внимательнее: модель XZ 2005_a обладает рядом прискорбных недостатков конструкции.

- Баги?

- У автоматонов нет багов, Кейт Уокер! Только функциональные идиосинкразии!

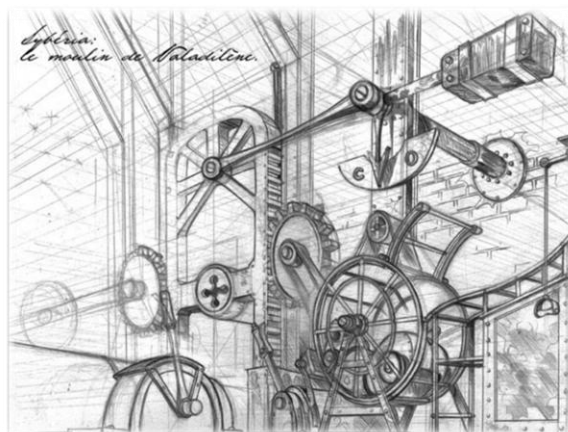
Кейт усмехается. Она не понимает, как работает этот Оскар, как вообще все ей не снится, но уже чувствует, какой у него характер. Он нравится ей.

- Тогда я займусь делом.

- Я буду ждать вас, Кейт Уокер!

Выйдя из мастерской, Кейт переводит дух. Судя по тому, как говорил об Оскаре Альфортер, он сам был под впечатлением от автоматона. Она же абсолютно задумывается над невозможностью ситуации только сейчас - во время разговора автоматон воспринимался совершенно естественно.

Кейт идет к лестнице на второй ярус, осматриваясь. На платформе, рядом с кабинетом Анны Воралберг, большая, выдающаяся в длину зала площадка. Поднявшись по ступенькам, Кейт видит массивную приборную панель, усеянную кнопками, тумблерами и лампочками. С высоты весь цех как на ладони, больше ничего похожего на пульт управления нет.

Глава восьмая

Шестеренки и пружины

Не сказать, что на пульте великое множество кнопок, но и того что есть, хватает, чтобы озадачить Кейт. Шесть тумблеров с правой стороны - шесть различных приборов с левой. Два рычага друг напротив друга, застекленная колба рядом с одним из рычагов, щель для перфокарты и огромный круглый индикатор посередине. Через всю панель тянутся строгие буквы - Воралберг.

Что делать - сначала включить и потом вставить перфокарту, или наоборот? Может спросить Оскара? Кейт решает не бегать лишний раз и просто щелкает верхний левый тумблер. Ничего не происходит. Она ни на что и не рассчитывала. Если панель включается сочетанием каких-то кнопок, то здесь их хватит надолго. Она передвигает оставшиеся тумблеры вслед за первым, но пульт молчит. Возвращает тумблеры в изначальное положение, пробует поднять-опустить каждый по отдельности, начиная с верхнего левого. На нижнем правом вдруг вспыхивает ярко-красная лампочка.

- Есть!

Хоть что-то. Теперь, наверное, перфокарта. Кейт вставляет пластинку в щель. На левой стороне пульта бледным желтым светом загорается индикатор. Что дальше? Она рассматривает стеклянную колбу - в ней тонкая деревянная пластинка. Щелкает рычажком, и пластинка с коричневой меняется на желтоватую, почти белую. После еще пары тройки щелчков ясно, что пластинок в колбе четыре, и все они различаются по цвету. Кейт отступает на шаг от пульта, пытаясь найти во всем этом логику.

Перфокарта желтого цвета - значит, нужна желтая пластинка! Элементарно. А последний оставшийся без дела рычаг запускает все остальное производство.

Конечно же, ничего не запускается, хотя пульт начинает издавать сильную вибрацию. Кейт возвращает рычажок на место, и вибрация прекращается.

Видимо, придется все-таки спросить Оскара. Ведь мог же дать и какие-нибудь инструкции! Или он считает, что каждый человек знаком с искусством «вдыхания жизни в сложные сочленения валиков и шестеренок»?

Она спускается вниз, в каморку Оскара. Тот все так же сидит на краю стола, и на этот раз оборачивается, как только открывается дверь.

- Оскар, у меня ничего не получается. Как вообще работает этот ваш пульт?

- На перфокарте записаны все данные, касательно моего устройства, Кейт Уокер. Я же говорил вам.

- Мне этого не достаточно. Я первый раз занимаюсь такой техникой.

- Я полагаюсь на вас, Кейт Уокер.

- То есть, прямо сказать, что мне делать, ты не можешь?

- Нет, Кейт Уокер. Как я уже говорил, мое назначение - вождение поезда. Мои функции не распространяются на управление фабричными устройствами. Но, смею заметить, я не слышал звука работающего генератора.

- Генератора?

- Конечно, Кейт Уокер! Генератор подает энергию на конвейеры, и они работают.

Логично.

- Ладно, разберусь.

Кейт закрывает дверь.

- Кейт Уокер!

Она замирает. Оскар хочет что-то сказать:

- Госпожа Воралберг должна была отправиться в путешествие, - медленно начинает он. - Целью этого путешествия была встреча с господином Воралбергом. - В его голосе замешательство. - Я размышлял, пока вас не было, Кейт Уокер. То, что вы сказали о госпоже Анне, вызывает у меня некоторые дисфункции. Я машинист, моя цель - управление поездом. Я должен вести его на Восток. Поезда должны двигаться, а не стоять, Кейт Уокер. Поезд без пассажиров - это не поезд. Я понимаю, что вы отправитесь в путешествие вместо госпожи Воралберг?

- Нет, Оскар, завтра я уже буду в Нью-Йорке. Но твой поезд пригодится детективу, который появится здесь вскоре после меня, и будет расследовать это дело.

- Значит, он отправится в путешествие? - задумывается автоматон. - Ганс Воралберг ждет госпожу Воралберг. Но... теперь он будет ждать того, кто поедет к нему. Я подумал, что это будете вы, Кейт Уокер!

Кейт качает головой:

- Я здесь просто осматриваюсь.

Оскар смотрит на нее, ничего не говоря.

- Пойду осматриваться дальше.

В поисках генератора, наедине со своими мыслями, она бродит по цеху и вскоре за сплетениями конвейерных лент натывается на еще одну дверь. За ней большая комната с массивной змеящейся трубой на полу, замысловатым механизмом с неизменными рычагами у стены. Сквозь продолговатые высокие окна виднеются лопасти водяного колеса, и Кейт понимает, где она находится. Если бы в правой стене были окна, она видела бы гостиницу и окна своего номера. Огромное водяное колесо и есть генератор.

Перед Кейт три рычага - один у основания трубы, один - у странной, похожей на колесо, в которых крутятся белки, конструкции, еще один наверху, торчащий под вместительной металлической коробкой. Справа налево - из коробки, по изогнувшемуся к белчиному колесу рельсу, появится что-то, что, оказавшись в колесе, начнет его вращать. Когда Кейт дернет рычаг у трубы, запустится водяное колесо. То, что труба - огромный заводной ключ, сомнений не вызывает: напротив Кейт видит четырехгранный лепесток замка, из самой трубы выглядывают подходящие по размеру ушки. На фабрике Воралбергов даже рабочие механизмы выглядят игрушечными. Надеясь, что ход действий правилен, Кейт приподнимается на носках и тянет рычаг под коробкой.

И появляется белка! Металлическая, с ребристыми дисками вместо лап; она стремительно скатывается по рельсу в колесо. Щелкают пазы. Кейт дергает средний рычаг, белка движется вперед-назад, вращая хитрую конструкцию. Третий рычаг у трубы-ключа - и раздался гул: замок поворачивается, колесо за окном вздрагивает и медленно движется. Кейт одобрительно кивает.

В цеху тишины больше нет. Генератор работает и это чувствуется. Кейт возвращается за пульт. Большая стрелка на приборе посередине дрожит. Теперь-то уж, наверняка, работа пойдет. Кейт передвигает рычаг.

По всей фабрике прокатывается и стихает многоголосное жужжание. Одна из труб, с похожим на орлиный клюв захватом, сдвигается и исчезает в глубине цеха. Оживает конвейер, лента ползет с шорохом, стоящие над конвейером автоматы приходят в движение. Из недр фабрики возвращается труба-манипулятор, держа в клюве идеально ровный отшлифованный брус, такого же цвета, что и дощечка на пульте перед Кейт. Брус опущен на конвейерную ленту, и автоматы принимаются за работу. Сверху опускаются различные сверла, мелькает крутящийся диск пилы; конвейер медленно движется, автоматы уверенными движениями превращают кусок дерева в ноги для Оскара. Под конец труба доставляет пару высоких шнурованных ботинок. Кейт не видно, что происходит на самой ленте, но спустя еще какое-то время она видит, как на выходную площадку конвейера скатываются две пугающе правдоподобные голени в зашнурованных коричневых ботинках. Конвейер останавливается, автоматы замирают, только продолжает гудеть генератор.

Кейт спускается с управляющей площадки. Ноги действительно неотличимы от настоящих, лишь слегка неестественный цвет эбенового дерева и металлические крепления выдают подделку.

Она поднимает их, довольная собой, направляется к Оскару, по пути заглянув в генераторную и остановив водяное колесо. Металлическая белка застывает, и Кейт не думает, как возвращать ее обратно в коробку.

Она с гордостью демонстрирует Оскару проделанную работу

- Твои ноги, Оскар. Надеюсь, они подойдут.

- Кейт Уокер! Я вижу, вам удалось собрать две модели XZ 2005_b! - Оскар польщен. - Я нисколько в вас не сомневался!

Он аккуратно присоединяет каждую из ног, шелкает креплениями. Встает. Двигает одной ногой, другой, делает несколько шагов, проходится по комнате и возвращается к Кейт.

- Позвольте мне выразить вам искреннюю благодарность, Кейт Уокер!

- Они и правда тебе подходят?

- Весьма. Вы очень добры, Кейт Уокер. Теперь же мне необходимо проследовать в свой поезд. Как скоро вы готовы отправиться в путь?

Кейт снисходительно усмехается:

- Как же я отправлюсь с тобой в путь, если ты не хочешь сказать, куда мы поедem? Но даже если и скажешь, все равно - я никуда не собираюсь. Я вернусь в Нью-Йорк, как и запланировано. Но мсье Альфортер воспользуется твоими услугами, можешь не сомневаться.

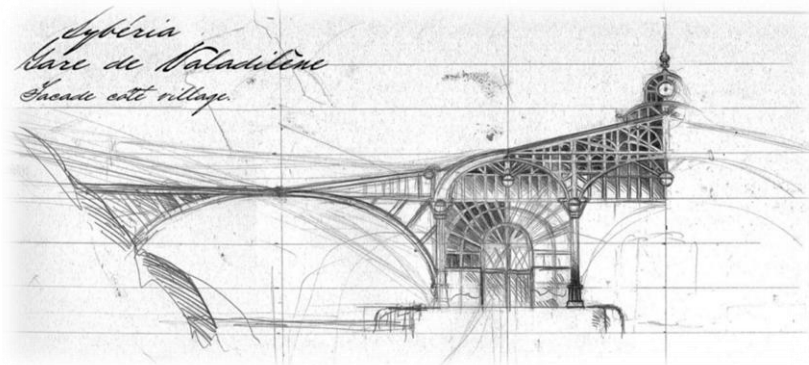
Оскар молчит, а когда говорит вновь, голос его печален:

- Так или иначе, я буду рядом со своим поездом, Кейт Уокер. И буду ждать, вас или мсье Альфортера. Но если никто не соберется в путешествие, значит, поезд будет стоять на станции, и, следовательно, мое существование окажется бессмысленным.

Кейт хочет ответить, но он продолжает:

- Скажу одно - поезд готов отправляться в любую минуту. Если я вам еще понадобится, вы найдете меня в кабине машиниста.

Развернувшись, он идет к выходу, медленно, еще не привыкнув к новым ногам. Дверь за ним закрывается, Кейт устало прислоняется к столу.

Глава девятая

Механический поезд

Здание вокзала величественно вздымается, сквозь стеклянную крышу светит солнце. Вокзал, на который она приехала, выглядел проще. Блестят сверкающими каплями пожелтевшие буквы над входом - Валадилена. Поезд занимает почти всю длину платформы. Длинный пассажирский вагон с покатой крышей и выдающимися в сторону двумя большими окнами, еще один вагон, поменьше - грузовой; локомотив. Вживую он выглядит еще впечатляюще, чем на макете. Кабина машиниста занимает небольшую площадку на возвышении, в задней части локомотива, а все остальное - могучее тело, обтекаемое, снарядоподобное, оканчивающееся острым, похожим на забрало рыцарского шлема, на перевернутый форштевень корабля, носом. Перед кабиной колеса достигают огромного размера, больше половины высоты локомотива. Поезд, как ничто другое в Валадилене, выглядит сошедшим со страниц сказочной книги.

Оскара не видно; Кейт, поднявшись по лесенке, открывает дверь, заходит в вагон. Оказывается в невероятно уютном помещении: пол устлан мягким покрытием, на лакированных светло-коричневых стенах светильники в ряд, горят спокойным теплым светом; у окна, на правую

сторону вагона, сейчас полностью закрытого опускающейся шторой, продолжением стены выступает округлая столешница; с двух сторон, с высокими подлокотниками, стоят два глубоких кресла. Дверь-купе открыта, и Кейт видит еще две комнаты, чуть меньше. У входа в стене дверь - за ней уборная. Кейт не отказалась бы и жить в таком поезде.

Оскар выглядывает из второй комнаты:

- Кейт Уокер!

Голос звенит восторгом.

- Привет, - отвечает рассеянно, оглядываясь по сторонам. - А здесь и правда здорово. Такой чудесный домик на колесах...

- Это последняя работа фабрики Воралбергов, - подходит ближе Оскар, - самая оригинальная и амбициозная. В основе проекта этого поезда лежит принцип максимального комфорта для пассажира.

- И ты здесь единственный автоматон?

- Я сконструирован специально для того, чтобы выполнять все действия, необходимые для оптимального функционирования поезда и комфорта его пассажиров.

- Я и не сомневалась...

Кейт проходит во вторую комнату. Здесь что-то вроде выставочного зала - вдоль стен, у окна, друг против друга, пузатые шкафчики с пустыми полками, в другой стороне вместо шкафчиков полукруглые столики - один имеет высокое настенное зеркало, на втором деревянная подставка, как для какого-нибудь ценного, особенного предмета. Посередине комнаты круглая стойка с широкой площадкой наверху. Третья комната - спальня. В длину не уступает комнате первой: полноценная кровать на ножках, с высокой спинкой; письменный стол и угловое кресло. У противоположной от кровати стены невысокий сервант, за узорчатым стеклом блестит серебром и хрусталем посуда. Запах свежего лака и нового дерева.

- Поезд просто изумительный, - говорит Кейт, приоткрывая дверцу серванта. Каждый фужер, каждая тарелка в обитых войлоком пазах.

- Я рад, что он вам понравился, Кейт Уокер, - отвечает Оскар.

- Почему бы тебе не называть меня просто «Кейт»? - Она закрывает сервант и садится в кресло. - Это ведь намного проще.

- Прошу прощения, Кейт Уокер, но я уже зарегистрировал вас как «Кейт Уокер». Я не в состоянии изменить эти данные, а моя программа не позволяет мне допускать фамильярность в общении.

- Но твоя программа понимает разницу между фамильярным и неофициальным общением?

- Прошу прощения, Кейт Уокер. Я следую согласно правилам и не смею их нарушать, даже если вы являетесь моим первым и единственным пассажиром.

- Оскар, я не твой пассажир, - упрямо говорит Кейт. Утопает в спинке кресла. - Хотя, путешествие на таком поезде - это здорово.

- Но разве не это послужило для вас поводом завершить мою сборку? И сейчас вы здесь!.. И я скажу вам, где будет ждать поезд господин Воралберг!

Оскар стоит как дворецкий, преданно смотрит на Кейт.

- Ну и где?

- В месте под названием Аралбад.

Оскар смотрит на нее и, похоже, продолжать фразу не собирается.

- И где это? - помогает Кейт в нетерпении. Несмотря на заверения, что сегодня вечером она должна быть в Нью-Йорке. Будет в Нью-Йорке...

- Далеко на Востоке. В конце сентября Ганс Воралберг прибудет в Аралбад из Сибири.

- Значит, ты полностью осведомлен о том, что это будет за путешествие? Ганс... заложил в тебя всю необходимую информацию?

- Все, что потребуется для того, чтобы доставить поезд и госпожу Воралберг... то есть...

Автоматон замаялся.

- Все, *что требовалось* для того, чтобы доставить поезд и госпожу Воралберг, - заканчивает Кейт. - И сколько времени нужно, чтобы добраться до этого... бада?

- Аралбада, - поправляет Оскар. - Если рассматривать временное выражение...

- Оскар, ты же не робот, - наклоняет голову Кейт, - пожалуйста, проще. Сколько дней туда ехать?

- Пять.

- Точно не успеем до вечера, - говорит Кейт тихо.

Но ведь в действительности не так уж и много...

...Некоторыми минутами позже Кейт вновь в кабинете Анны Воралберг, застыв перед книжными полками. Механика, физика, математика. Быть может, где-то между страниц какого-нибудь увесистого тома есть еще письма... А звуковые валики?..

Она подходит к шкафчику с антресолю и открывает дверцы. На верхней и нижней полках, поддерживаемые человечками-автоматами, книги; на средней токуют часы с витиеватым циферблатом. Верхние книги стоят на маленьких полозьях, крайняя предпоследняя выдается вперед. Хочется задвинуть ее, поравняв строй. Вот оно! Книжка издает щелчок, и вся платформа с человечками, книгами и задней стенкой шкафа, застрекотав механизмом, медленно разворачивается, являя потайную сторону. На круглой лакированной, с небольшим отверстием, подставке стоит золотистый диск, на котором два автомата, он и она, застыли в объятиях друг друга. Вновь раздается щелчок, и звучит музыка. Тягучие похрустывающие смычковые наполняют сердце теплой тоской. Обнявшиеся автоматы - это Анна и Ганс. Фигурки раздвигаются друг от друга к краям, панелька щелкает, и раздается голос. Анна Воралберг негромко, будто вспоминая каждое слово, рассказывает, и автоматы разыгрывают рассказ:

- Ганс! Где ты прячешься? Вылезай, нам пора домой. Мы уже опаздываем!

Анна Воралберг повторяет себя маленькую, и голос ее, окутанный старческой бахромой, с каждым словом становится живее.

- Анна, я тут!

А это Ганс, и Кейт ясно слышит, как госпожа Воралберг улыбнулась.

Моноспектакль лишь для себя.

- Что значит «я тут»? Ганс! - Анна-девочка явно злится. - Ну пожалуйста, пойдем!

- Это тайна, - заговорщицки шепчет госпожа Воралберг и в тоже время мальчишка-Ганс. - Ты должна поклясться!

- Ладно, ладно! Я, Анна Воралберг, клянусь своему брату Гансу никогда ни словечка не говорить об этом деле.

Фигурки-автоматы пожимают друг другу руки...

А Кейт закрывает глаза и видит - по лесной дорожке, мимо кристально-чистого озера, перепрыгивая через полосу воды, двое детей несутся к пещере. Ганс бежит первым, а Анна еле поспевает за ним.

- Смотри, Анна, - говорит Ганс и указывает на пещеру, - вот она, видишь?

Они останавливаются у входа.

- Там же темно! - шепчет Анна.

- Ничего, я взял с фабрики фонарь! - Ганс отважен и смел, совсем как взрослый. - Вы девчонки такие глупые иногда бываете. Извини, конечно...

- Посмотрим, какой ты у нас умный будешь, когда отец увидит, что ты стащил с фабрики фонарь! - Анна упирает руки в бока.

Но Ганс уже не слушает - он идет по коридору, вглубь пещеры. Анна бросается за ним.

- Из-за тебя я вся теперь в грязи! - говорит она, отряхивая подол длинного платья.

Но Ханс ее не слышит.

- Смотри! - заворожено шепчет он.

Луч фонаря выхватывает из темноты контуры, силуэты - наскальные рисунки; огромные существа с наездниками на спине.

- Я такие рисунки видела, - тоже шепчет Анна. - В книге, в библиотеке.

Ганс сурово глядит на сестру.

- Анна, ты поклялась! Все только между нами. Смотри, - он бежит к высокой каменной колонне в центре пещеры, - там наверху что-то есть!

- Слушай, пошли домой, а?

- Похоже, это игрушка! Я ее сейчас достану!

Он сует в руки Анне фонарь.

- Посвети мне!

- Ганс, там же высоко, не надо!

Анне страшно. Но Гансу все равно - ему нужна эта игрушка. Он карабкается все выше, одной рукой уже почти достает края площадки, на которой стоит фигурка мамонта с наездником на спине.

- Ганс, осторожно!

Звук сыплющихся камней. Ганс оскальзывается, но продолжает лезть.

- Ганс, осторожнее, слышишь?

Но последние слова Анны заглушает громкий, отдавшийся от стен пещеры, крик падающего Ганса...

Кейт открывает глаза. Исчезает пещера и дети, она в кабинете, а фигурки-автоматы теперь друг к другу близко. Анна склонилась над Гансом и плачет. Голос госпожи Воралберг, старой и усталой:

- Брат провел в коме, между жизнью и смертью, несколько дней. Потом он очнулся, но я знала, что он уже никогда не будет прежним. Мы ни разу больше не ходили в пещеру, и до сего дня я никому об этом не рассказывала.

Фигурки поднимаются, вновь раздвигаются к краям подставки, замирают, безжизненно повиснув на шестах. Громкий щелчок, подставка подсакивает, словно вытолкнутая пружиной. Кейт в замешательстве протягивает руку. Подставка с автоматами легко отделяется от проигрывателя.

В вагоне поезда - круглая стойка с широкой площадкой наверху...

Из отверстия под автоматами Кейт извлекает маленькую деревянную втулку. Это и есть звуковой валик.

Стеллажи и книги спустя она, наплевав на несовершенство своего французского, жадно читает пожелтевшие страницы письма священника - еще одного кусочка невообразимого пазла. Возглавив приход в Валадилене, от предшественника он узнал тайну. Тела Ганса Воралберга нет в семейной усыпальнице. Гроб пуст, и лишь в изголовье - вырезка из «Валадиленских ведомостей» за 1938 год.

Однажды ночью Франц Воралберг появился на пороге дома молодого священника. С каменным лицом, с глазами, полными горя, он сообщил, что Ганс погиб. Он хотел, чтобы священник незамедлительно пошел с ним, дабы помолиться над телом погибшего.

Войдя в затененную гостиную особняка Воралбергов, священник увидел стоящий в центре гроб. Крышка была закрыта. Франц Воралберг не хотел, чтобы кто-либо видел тело его сына. Ужасно исковерканный труп был обнаружен под обрывом. Предположительно юноша поскользнулся и, упав с высоты, страшно ударился о землю. В свои восемнадцать лет младший Воралберг не был хорошо развит...

Священник поверил Францу Воралбергу, человеку, перед которым Валадилена благоговела, и провел похороны, совершив все необходимые ритуалы отпевания и погребения. Ганса Воралберга похоронили как подобает - достойно и торжественно. Но спустя несколько лет после смерти самого Франца Воралберга с Анной на фабрике произошел несчастный случай, едва не приведший ее к гибели. Такая близость смерти породила в ней желание исповедаться. Услышанное священником в тот день не давало ему покоя до самой старости.

Тела Ганса Воралберга нет в семейной усыпальнице, потому что он все еще жив. Священник отпевал пустой гроб...

... - Оскар, ты разъяснишь весь путь от Валадилены до Аралбада, прямо сейчас!

- Кейт Уокер!..

- Дорога, остановки, границы...

- Правильно ли я понял?..

- Даже я ничего не понимаю, Оскар. Ты сказал, что поезд готов отправляться в любую минуту.

- Подтверждаю, Кейт Уокер! Холодильная камера, запасы разного вида круп, долгохранящиеся заготовки, пресная вода. Все необходимое для комфорта пассажира.

- Как механический поезд будет выглядеть на обычной железной дороге? На обычных вокзалах?.. Как вообще возможно, что он поедет куда-то? Это же не личная дорога Воралбергов!

- Маршрут проложен в обход крупных магистралей, через перегонные линии, с обязательными остановками в Баррокштадте и Комколзграде.

- Германия и... Польша?

- Документ номер AZ 654 - доверенность на пользование всем или частью движимого или недвижимого имущества, составляющего часть наследства - исполнен с надлежащим качеством, и исключает бюрократические проволочки. В наследство Воралберг входит: механический локомотив в комплекте с вагонами, дополнительными аксессуарами и машинистом. Настоящий документ с печатью официального представительства властей дает право предъявителю на использование вышеупомянутой собственности.

- Уже теперь и я наследник...

- Позвольте я выдам вам еще один документ. Вот это письмо.

- Тебе словно необходимо, чтобы поезд отправился к Гансу Воралбергу...
- Поезда должны двигаться, а не стоять. И поезд без пассажиров...
- Ты уже говорил. Я прочитаю письмо, позволь...

«С выражением признательности, командующему пограничной заставой Восточного округа. Шестьдесят три года назад я жил в Баррокиштадте и был знаком с подполковником Альфредом Малатестой, командовавшим заставой тогда. В городе я провел год, а после отправился дальше на Восток. В Баррокиштадте должны быть памятны некоторые механизмы, что я изготовил за время пребывания там. Например, ворота в приграничной Стене, которые мы спроектировали вместе с подполковником Малатестой. У него был сын Эрнст, в те времена пятилетний мальчик; на память я подарил ему марширующих человечков. Если вы, Эрнст, и читаете это письмо, вероятно, вы пошли по стопам отца, и являетесь сейчас тем командующим, к кому я обращаюсь. Прошу вас позволить проследовать через Стену подателю этого письма - моей сестре Анне Воралберг. Мы условились встретиться на дальних восточных рубежах. Мне известно, что в районе Баррокиштадта фортификационные сооружения до сих пор не разрушены, так же, как и не убрана (или перестроена) старая железная дорога, которой я решил воспользоваться, чтобы сестра добралась до меня. Ветка, ведущая через Баррокиштадт, единственная из оставшихся заброшенных железнодорожных путей в Европе. Поэтому заранее прошу у вас прощение за причиненное беспокойство, господин командующий, но только вы сможете мне помочь. Приведите в действие заржавевший механизм, откройте ворота и пропустите поезд сестры на Восток. С благодарностью, Ганс Воралберг».

- Что за Стена?

- Баррокиштадт лежит в двух днях пути от Валадилены, на одной линии с порубежными городами Гальтенбург, Кенингпаст, Морлок...

- Туда Анна отправляла для Ганса письма...

- Пограничная стена - пережиток событий начала двадцатого века. Как следует из письма, это единственный путь.

- Почему остановки обязательные?

- Завод поезда строго определен. Остановки займут около трех часов - за это время пружины локомотива, под воздействием реверсивного вращения, будут взведены вновь. В то же время, магнитный генератор обладает большим ресурсом, тем самым, поезд обеспечен электроэнергией и в моменты простоя.

- ...

- Вам понадобится билет, Кейт Уокер.

- Билет?

- В правилах ясно указано - у каждого пассажира должен быть билет.

- И ты выдашь мне его?

- Выдавать билеты имеет право только кассир. Вам повезло, касса сейчас открыта. Вам следует отправиться туда как можно быстрее.

Оскар открывает дверь и выходит из вагона. Ничего не понимая, Кейт следует за ним. Спустившись на перрон, она видит Оскара в окне кассы.

- Могу быть вам полезен, мисс?

- Оскар, это же я! Кейт Уокер.

- Подтверждаю. Ваше имя действительно Кейт Уокер.

- Хмм... Билет на поезд? А ты еще что-нибудь выдаешь?

- Единственной функцией данной кассы является продажа билетов. В вашем случае - выдача.

Просьба ускорить действия. Касса закрывается через три минуты. Чем могу быть вам полезен?

- Билет, Оскар.

- Один билет?

- Ну да. Если тебе самому он не требуется?..

- Один билет. Каков ваш пункт назначения?

- Ну... наверное... Аралбад?..

- Подтверждаю, Кейт Уокер!

- Ты меня разыгрываешь...

- В мою программу не заложено чувство юмора.

Оскар щелкает по печатной машинке, выбивает билет, ставит на нем печать и протягивает Кейт. На прямоугольном плотном листке значится:

«Билет на поезд. Механические железные дороги. Пункт отправления: Валадилена, Франция. Пункт назначения: Аралбад, Восточные земли.

Билет на одно лицо. Должен быть предъявлен по требованию любому уполномоченному лицу Механических железных дорог».

- Прошу вас, не потеряйте билет. Касса не имеет права выдавать дубликаты. Билетер может потребовать билет в любой момент.

- Но разве билетер это не ты?

- Прошу прощения, касса закрывается.

Они снова в вагоне.

- Ты бы и с Анны Воралберг спрашивал документы с такой же строгостью?

- Прошу прощения, Кейт Уокер, но как раз тот факт, что вы не являетесь госпожой Воралберг, объясняет мое...

- Оскар, недавно ты уговаривал меня поехать с тобой. Разве моего согласия тебе не достаточно? Я думала, мы сразу стали друзьями.

- Я не хотел обидеть вас, Кейт Уокер! Я лишь следую возложенной на меня задаче! Ни в одном условии ситуация не принимала такой ход событий, поэтому мои логические цепи задействуют...

- И когда отправление?

- ... Ваш билет, пожалуйста!..

- Издеваешься? Пожалуйста.

- В данный момент я не могу принять ваш билет, Кейт Уокер. Пожалуйста, сохраните его.

-

- Я должен следовать инструкции, Кейт Уокер! Были соблюдены не все условия для отправления. Я должен получить подтверждение вашего права на отбытие.

- Ох, и любишь ты эти правила, Оскар!

- Доверенность без печати.

- И мне дал ее ты...

- Вам необходимо заверить документ.

И раньше часто она совершала стремительные, дерзкие поступки там, где многие бы прежде осторожно раздумывали. Этим и обеспечила карьеру. Но сейчас она совершала поступок самый стремительный и дерзкий, не имеющий к карьере никакого отношения.

- Нужно идти к нотариусу?

- Без сомнения, Кейт Уокер.

- Тебе повезло, что безумные идеи не покидают меня так сразу...

... - Оскар - удивительный автоматон, - говорит мэтр Альфортер, рассматривая принесенные Кейт документы.

Он выслушал Кейт. Пока Кейт шла к его дому, ее выслушал Марсон. Каждый, с большим или меньшим отчаянием, благословил в путь. Марсон держит руку на пульсе, всецело полагается на высокую квалификацию Кейт. Ему и Лормонту необходимо справиться с ситуацией своими силами. Альфортер же испытывает безмерную благодарность за проявленное Кейт сочувствие.

Нотариус связался по телефону с некоторыми мастерами, из тех, кто работал на фабрике последние годы и должен был помогать госпоже Воралберг в конструировании поезда и автоматона. Никто из них, как и писала Анна, не предполагал, что поезд предназначен для ее личных целей - все знали, что он будет предложен как туристическая уловка и замена устаревшего состава, который курсировал по отдаленным селениям, и на котором приехала Кейт. Оскар же являлся последним шедевром госпожи Воралберг. И поезд, и автоматон были абсолютно законченными произведениями, готовыми к эксплуатации.

- Ганс прислал Анне исключительные детали.

- Оскар говорил об этом. Доверимся ему.

- Можно сделать еще кое что...

Альфортер вновь берет телефонную трубку, скрипит наборочным диском. Через несколько секунд ему отвечают. Переводят на линию Баррокштадт;ждавши, выясняется, что связаться с командующим пограничной заставой можно, лишь вызвав его к телефону - отвечают нотариусу из почтового ведомства. "Он уже несколько лет как на пенсии, да и последние годы работал в архиве. Если есть необходимость... действительно важное дело?, ну что ж, почтальон может ему сообщить, что с ним хотят говорить из Франции, нам не часто звонят из Франции, мы думали - мальчишки балуются, в общем, Йохан сейчас его приведет, перезвоните через четверть часа..."

- Командующего зовут Эрнст Малатеста, - говорит Альфортер Кейт. - Тот самый, кому и написал письмо Ганс.

Через четверть часа он перезванивает. Капитан Малатеста еще не прибыл, приходится ждать.

- Ганс и сам мог так сделать - позвонить в Баррокштадт и уладить дела. А он оставил Анну одну с письмом...

- Мне кажется, Ганс находится в несколько других отношениях с этим миром, мисс Уокер.

Нотариус передает ей трубку. Проходит еще несколько минут. Кейт успевает взволноваться по поводу неожиданного звонка, хотя уж к этому ей не привыкать, и успокоиться. Но вот на том конце провода сквозь шорох раздается женский голос:

- Вы слушаете?

- Да!..

Экзамен по качеству знаний университета Гринвич-Виллидж...

- О! Здравствуйте. Капитан Малатеста здесь. Передаю ему трубку.

- Эрнст Малатеста слушает.

Спокойный глубокий голос.

- Здравствуйте. Меня зовут Кейт Уокер, я представляю юридическую фирму "Марсон и Лармонт". Я веду дело о наследстве Ганса Воралберга... Вам это имя что-нибудь говорит?

Эрнст Малатеста какое-то время молчит.

- Не думаю, - наконец произносит он.

- Вы были знакомы с ним очень давно, шестьдесят три года назад. - Кейт на мгновение задумывается. - Он подарил вам марширующих человечков, помните? Тогда вам было пять лет. Ганс Воралберг, великий изобретатель, вместе с вашим отцом построил механические ворота в пограничной стене. Год он жил в Баррокштадте, а потом отправился на Восток... Капитан, вы меня слушаете?..

Ей кажется, что она говорит самой себе. Но Эрнст Малатеста здесь.

- Да, нахлынули воспоминания.

Бывший командир пограничной заставы откашливается.

- Тогда я помню Ганса Воралберга.

Кейт кивает Альфортеру.

- Очень хорошо, сэр! Вы единственный, кто сможет мне помочь. Я... разрешите, я начну свой рассказ с начала, потому что все это довольно необычно.

- А как же еще рассказываются истории? - Наверное, в Баррокштадте Эрнст Малатеста пожимает плечами. - Я внимательно слушаю вас...

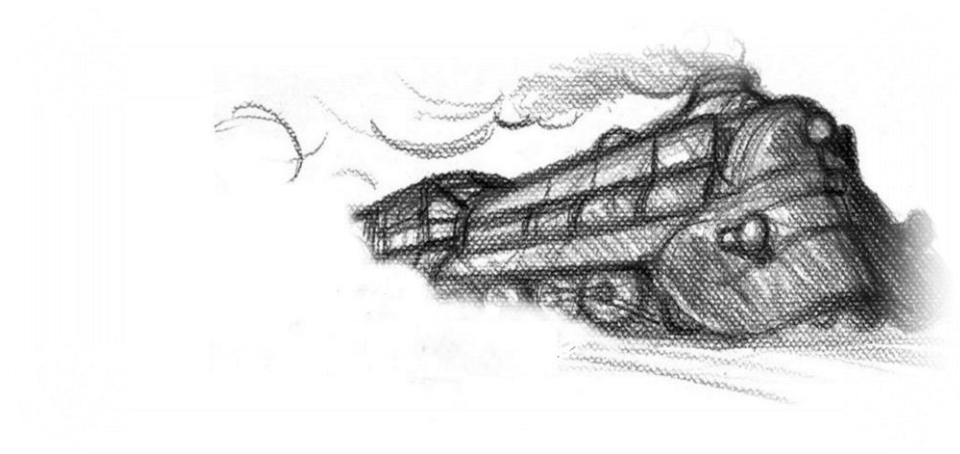
Кейт рассказывает этому новому неожиданному знакомому, как она оказалась в Валадилене, что случилось с Анной Воралберг, откуда она знает о капитане Малатесте. Чтобы оформить наследство, ей необходимо найти Ганса Воралберга. Кейт не говорит о его истории, но знает, что расскажет обо всем, когда они с капитаном встретятся. Эрнст Малатеста поглощен неожиданным событием, последовавшим за странным звонком, Кейт это чувствует. Теперь в Баррокштадте у нее есть союзник, и он ждет ее приезда.

- Ворота не открывались лет пятьдесят, - говорит капитан Малатеста. - Не думаю, что их механизм пришел в негодность, но опасаясь, что скажет по этому поводу наше начальство.

Он усмехается, и усмешка его выдает невысокое мнение о начальстве в Баррокштадте.

- Хотя, уверен, мы найдем способ с ними договориться.

Вскоре они тепло прощаются. Капитан Малатеста сообщит, кому это необходимо, о прибытии Кейт, и постарается уладить вопросы, связанные со Стеной.

Глава десятая

Путешествие начинается